

Виктор Мишин

ВОЗРАСТ НЕ ПОМЕХА

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Виктор Мишин

Возраст не помеха

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Мишин В. С.

Возраст не помеха / В. С. Мишин — «Издательство АСТ»,
2023 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-154802-5

Попал в прошлое – отлично! Здоров – еще лучше! На войну – это хуже. В тело десятилетнего мальчика – беда... Захар Горчак едва достиг десятилетнего возраста, когда к нему домой пришла война. Мальчик чудом выжил и начал свой путь, идя за зовом сердца. Он молод, но силен и подготовлен, он выдержит все, что ему приготовила судьба, станет таким, как все советские люди, защитником своего народа, ведь – возраст не помеха!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-154802-5

© Мишин В. С., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Виктор Мишин

Возраст не помеха

Серия «Военная фантастика» *Выпуск 238*

© Виктор Мишин, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

«Ну вот за что мне все это, а?» – гулкий грохот шагов по чисто вымытым деревянным полам прихожей отдавался у меня в голове. Я четко понимал, что идет кто-то большой, маленькие люди не делают столько шума при ходьбе, даже по таким, сделанным из деревянных досок полам.

Звать меня Захаром Александровичем, мне сорок пять годков недавно стукнуло, ага, недавно... Это теперь смотря с какой стороны глядеть. Проснулся я вчера, оперся на руку,

чтобы с кровати встать, и обалдел. Удивление было вызвано отсутствием сил, точнее, их крайне малым количеством. Ничего не понимая, снова лег на спину и поднял перед собой руку, левую. Что удержало от того, чтобы не заорать, даже не понял. Передо мной во всей красе была маленькая, тонкая детская рука. Взглянул и на вторую, затем провел ладонями по лицу и зажмурился.

«Молод! Я снова молод!» – испуг от увиденного мгновенно сменился радостью. Дело в том, что в свои сорок пять лет я здорово износил организм. Ранние занятия тяжелым спортом сделали меня уже к двадцати годам очень слабым человеком. Как бы ни смешно это звучало. Сорванная спина, вытянутые мышцы, грыжи, испорченные суставы, все это в юношеском возрасте, и как итог – полный запрет на какую-либо физическую нагрузку. Если, конечно, хочешь жить. Нет, никто мне не запрещал ходить и даже бегать, поднимать что-то тяжелее бокала с чаем, просто после любой нагрузки я долго лечился. Много раз за свою дурацкую жизнь я пытался начинать восстанавливать здоровье и столько же раз прекращал. Начинаешь бегать, через пять минут сводит ноги, появляется тяжесть, а наутро ты не можешь встать с кровати. Берешь гантели, результат тот же, в поясницу как будто лом воткнули, и он не дает тебе двигаться. Именно из-за болезней в свое время меня не взяли в армию, косить не собирался, но просто завернули по медицине. Для меня это было серьезно, ведь вся моя семья – военные. Хорошо еще в детстве и юности я много занимался с родным дядькой стрельбой, а с батей рукопашкой. Хорошо владел ножом и пистолетом. С огнестрелом повезло, дядька родной еще служил, пока я был юношей, часть рядом, на окраине города, таскал меня с собой, да я и не против был, кто бы отказался пострелять, будучи пацаном. Тяжелое не давали, пробовал только карабин старый, малокалиберный, но вот пистолет Макарова освоил на все сто.

Вот поэтому радость от осознания того, что я вновь молодой, пусть даже и ребенок, просто рвалась из меня наружу. Хотелось закричать и побежать, но то, что увидел после, когда чуть улеглись страсти, заставило набраться терпения. Дело в том, что я никак не мог понять, где нахожусь. Темный потолок, явно деревянный, смущал более всего. Мы ведь в двадцать первом веке привыкли жить с белыми потолками. Есть, конечно, индивиды, что наводят себе черноту на потолок, но сам я таким не являлся. Посмотрев по сторонам, понял, что ничего не понял. Рядом, возле моей кровати, к изголовью придвинута еще одна кровать, по внешнему виду догадываюсь – железная. Помню, у бабушки на даче такая стояла, годов пятидесятых, не новее. На кровати горкой высятся подушки, красиво составленные и покрытые тонким белым тюлем. Лепота прям. И запахи... Таких запахов в моей жизни не было, на краю сознания что-то маячило, но никак не мог взять в толк, что именно. Все какое-то родное, домашнее, теплое. Только вот где это все, включая меня?

Лежал я, после того как осознал себя ребенком, недолго. Внезапно, я как раз интенсивно размышлял над ситуацией, появилась женщина. Довольно приятной наружности, надо заметить. Высокая, худая, лицо правильной формы, глаза чуть прищурены, нос маленький и слегка вздернут, красивый нос. На голове у женщины был белый платок, прикрывающий светлые, очень светлые волосы. Одежда на ней была какая-то странная, не то платье, не то сарафан, не важно, главное, такое никто не носит, а следовательно, откуда его откопала женщина?

– Захарка, чего разлегся, отцу помощь нужна! – женщина вдобавок обладала красивым, мелодичным голосом, но старалась говорить жестко, словно приказывала, выходило у нее это плохо. Женщине было на вид лет сорок, наверное, поэтому и выглядела привлекательно. Есть у женщин этого возраста какая-то изюминка, не раз замечал. Такие женщины спокойны, знают цену и себе, и жизни вообще. Они степенны, рассудительны, если умны, конечно.

Я вывалился из размышлений, только это не принесло результата, ибо что делать, я не знал.

«Какому отцу помогать, кто эта женщина, да кто я сам-то такой?»

– Да вставай же ты, лежебока! – чуть усмехнувшись, женщина подняла полотенце, зажатое в левой руке. Блин, она ведь мне влепит сейчас, хоть и не со зла, не было в этой женщине злости, лишь забота звучала в красивом голосе, а в глазах хитринка и любовь.

– Встаю, – ответил я и не узнал свой голос. Детский, можно сказать, еще писклявый голосок. Господи боже, да сколько же мне лет-то? Руки, голос, отсутствие силы, боюсь даже представить, что ЕЩЕ ждет меня сегодня.

Как оказалось, спал я в ночной рубаше, длинной, ниже колен, серого цвета, застиранной, но еще крепкой. Поискав глазами то, во что можно переодеться, растерялся. Все вокруг незнакомое, непривычное. Ясно, что нет никакой ванны или унитаза, но надо бы глаза протереть, может, ясность какая наступит. Хорошо, что в детстве много времени проводил у бабушки в деревне, частные дома все похожи друг на друга убранством, как бы при этом ни выглядели снаружи. Предки устраивали быт рационально, а значит, все должно быть рядом и легкодоступно. И точно, отыскав глазами умывальник, вот же древность-то, быстро помыл глаза и прошелся сырыми руками по голове, вроде как стало легче.

– Одежку в сенях смотри, я вечером постирала, должна высохнуть была. Поторопись, грохочет уже рядом совсем, того и гляди нагрянут!

«КТО?» – мысль пронеслась в голове, а тело действовало. Огляделся еще раз и, быстро проскользнув мимо женщины в сени, разыскал портки, на вид примерно моего размера, но с удивительно широкими штанинами, рубашу синюю, с косым воротом и кепадь. Обувки не было видно никакой, это насторожило, но не обеспокоило.

– Кто нагрянет? – решился все же спросить я.

– Ты что, забыл? – женщина всплеснула руками. – Вот как вчера забегался, ничего не слышал ночью? Самолеты летают, что-то грохочет совсем рядом. Люди с утра от Бреста идут, говорят, война началась, немец пришел!

«Ч-ч-чего? Какая-такая война? Какой немец? От какого Бреста люди идут?» – вслух я ничего не сказал, завис намертво. Стою столбом, не понимая ничего, и лишь глазами хлопаю.

– Беги давай, он у складов. Как закончите там, вернетесь вместе и двинемся.

Куда бежать, зачем? Куда двинемся и что за война-то? Голова просто пухла от всего, что вижу и того, что слышу. Слова женщины о Бресте не выходили из головы. Самолеты ночью, Брест, НЕМЦЫ...

На улице, куда я вывалился, предварительно напялив широленные штаны, царил переполох и суета. Людей много, повозки какие-то, шум, гам, пыль клубится, поднятая ногами спешащих людей и копытами лошадей, а еще жара. Подбежав к калитке, распахнутой во всю ширь, ошарашенно обвел глазами происходящее. Улица, деревенская какая-то улица, ну или в небольших городках еще такие бывают, на окраине. Но вот количество народа просто пугало, наверное, тут никогда столько и не было. Я остолбенел в который раз за утро. Наверное, так и стоял бы, пока женщина не дала мне пинка под зад, если бы не выскочивший откуда-то из толпы мальчишка. Обычный такой мальчишка, лет десяти, наверное, в рванье каком-то, но в огромном кепаре.

– Захар, скорее, бежим на склады, мамка к батьке послала, сказала, что и ты туда же! – прокричал писклявым голоском мальчишка.

– Ага, – кивнул я и обратил внимание, что мальчишка такой же босоногий, как и я. Кстати, об этом факте уже как-то и позабыл, под ногами была земля, сухая, пыльная, но грязи нет, как и камней, идти было совсем не больно, даже вроде приятно.

Вдвоем с мальчуганом мы рванули вдоль по улице, мимо бредущих обозов. Меня, как только что появившегося в этом мире, интересовало буквально все вокруг. Лошади с повозками, деревянные дома, красивые живые изгороди, редкие колодцы и просто люди. Мужчины и женщины, дети, старики, все куда-то спешили, суеились. Внешний вид людей «убивал»

наповал. Одеты буквально все как в старом кино, кто во что горазд. Косоворотки у мужчин, кепки, штаны – в основном галифе, сапоги. Женщины в длинных юбках, платьях, на головах платки, похожий я уже видел на женщине в доме, где очнулся. У всех озабоченные лица, глаза бегают. Да что, черт возьми, происходит-то тут? Хотелось хоть чуть-чуть подумать, времени-то до этого не было совсем, но глазеть по сторонам мне никто не дал.

– Смотри, куда бежишь, щегол!

Заевавшись, воткнулся в какого-то грузного мужика, уперся лицом прямо в его толстый живот.

– Простите... – брякнул я первое, что пришло в голову и, не успев увернуться, получил подзатыльник. Больно, блин, за что меня так? Я же не сбил этого толстяка, а всего лишь врезался в него, поди сдвинь его с места. – Я же извинился, вы чего? – серьезно спросил я, заметив, как мальчишка, с которым мы вместе бежали, отступает в сторону.

– Чего, еще добавить? – насутился мужик. Особой злости в его голосе не звучало, но опасность для меня он представлял.

– Индюк! – бросил я мужику в лицо и мгновенно бросился бежать. Не знаю почему я наградил этого жирдяя именно таким прозвищем. Грубить как-то жестко не хотелось, да и времени на это не было.

Новая жизнь вселяла радость, хотя и была полна неожиданностей, в том числе от непонимания того, что происходит. На улицах много людей, очень много. Мы бежим, ловко уворачиваясь от пешеходов и людей на телегах, огибая их и уносясь все дальше.

– Захарка, гляди, летят! – услышал я сбоку (надо бы хоть узнать, как зовут пацана). Посмотрев в его сторону, отметил, что все вокруг смотрят куда-то в небо, а задрав подбородок, обалдел и потерял дар речи. В который раз уже со счета сбился.

«Кино!» – только и пронеслось в мозгу. Причем до смешного правильная мысль звучала немного длиннее. «Кино и немцы!»

По небу, голубому и чистому, плыли черные туши самолетов. Низко. Низко и много, очень много черных туш. Высота их была такой, что легко различались белые кресты на крыльях. Гул стоял на всю округу, низкий такой и страшный. Очуметь, да и только. Картинка из кино, поэтому и мысль была такой. Господи, да где же я?

– Дядька Семен к отцу утром заходил, говорил, что бомбят города, бежим скорее! – дернул меня за рукав мальчуган.

– Слушай, а чего это грохочет где-то слева? – я вдруг осознал то, что меня волновало.

– Пушки, наверное! Говорят, еще и танки едут, много! – мальчишка развел руки в стороны, вероятно желая объяснить, насколько много танков.

– Может, врут? – с сомнением в голосе заметил я.

– Я так же брякнул, когда дядька Семен рассказывал, а отец как заорет: «Колька, иди на улицу!»

Значит, пацана зовут Колькой, ну, хоть знать буду, по всему выходит, что он из моих приятелей, так что это важно для будущего. Нужно вообще больше слушать и меньше говорить самому.

Вновь бежим по улице, сворачивая то и дело, но держа практически прежнее направление. Поглядывая на небо впереди себя, замечаю, как самолеты меняют курс, выстраиваясь в цепь. Это они зачем? Буквально через несколько секунд цепь превращается в круг, и тут я вспоминаю, что слышал о войне в своей жизни. Не успеваю окрикнуть Колю, глаза просто прикованы к самолетам с крестами, когда от идущего первым начинают отделяться черные точки. Точки быстро, как семечки, брошенные на землю горстью, начинают приближаться к земле и увеличиваться в размерах.

– Колька! – ору я, указывая вперед.

И тут раздаются первые грохочущие удары о землю, а за ними слышится звук взрыва. Огненный столб, сменяясь десятками других, встает недалеко впереди нас. Черт его знает, где это, может, километр, а может, всего метров пятьсот. Земля гудит под ногами и ощутимо трясет. Сбросив свой груз, самолеты с разворотом уходят. Даже не замечаю, как оказываюсь под ближайшим деревом, прижавшись к земле. Рядом лежит Коля и тихо что-то бормочет.

– Чего? – кричу я ему.

– Там, склады... – орет в ответ Колька, и я замечаю на его щеках слезы. Приехали.

– Брось, все будет хорошо, бежим? – спросил я, вставая.

Опасность пока миновала, самолетов не видно, стрельбы вроде тоже нет, нужно идти, посмотреть, что там такое взорвалось. Отсюда было не видно, даже осколки не летали, только грохот слышно и видно дым. Много дыма.

Оказалось, идти оставалось не так уж и далеко. Буквально несколько переулков и мы на месте грандиозного пожарища. Еще только свернули на нужную улицу, у меня волосы на голове затрещали от жара, ближе ста метров и не подойти. Народу много вокруг, но никто не бросается к месту пожара. Страшно. Огонь – это всегда страшно, а когда он высотой с трехэтажный дом, страшно втройне.

Склады были уничтожены. Большое, вытянутое здание в три этажа все скрыто в огне, но и так понятно, что людей живых там нет. До меня начало доходить, что там вроде как был отец моего нового тела и Колькин батя. Товарищ мой ревет в полный голос, вытирая грязной рукой сопли, размазывая их по лицу. Я нахожусь в прострации, ибо вообще не понимаю, что вокруг творится. В себя прийти помогает кто-то из прохожих.

– Колька, Захар, дуйте домой, здесь вам уже делать нечего! – видя, что мы не сходим со своих мест, на нас прикрикнули: – Что, глухие? А ну марш отсюда!

Оглядев людей, что собирались вокруг, кивнул своим мыслям и, взяв за руку Колю, направляюсь в обратный путь. Так, что мы имеем? Я где-то возле Бреста, того, что на границе с Польшей, в Беларуси. Каким макаром я тут оказался, не понимаю, вроде просто лег спать вечером, книжку почитал и уснул, а проснулся уже тут, в новом, детском обличье. Дела-а... Судя по тому, что происходит, по одежде людей, постройкам и дорогам, это явно не мое время. А это значит... Черт, меня что, в прошлое забросило? А как? Хотя это сейчас совсем глупый вопрос. Мне что, легче станет, если я буду знать, как? Я уже тут, если путь назад есть, то он должен быть таким же, как и путь сюда. Если меня кто-то сюда переместил без моего ведома, значит, назад путь возможен только тем же способом. Но об этом как-то и не хочется думать, слишком многое происходит вокруг, не до этого. Мне дали новую жизнь, новое, здоровое тело, только один моментик все портил – война. Не бывает все гладко, всегда есть подвох. На, мужик, новое тело, но жить ты будешь во время войны, где твое новое тело очень быстро может превратиться в... труп. И не знаешь теперь, радоваться или волосы драть.

– Ты домой? – спросил я товарища, когда показался мой дом, путь я запомнил, да и не было тут ничего сложного. Колька в ответ только кивнул, шмыгнув носом, и в очередной раз провел по нему рукой. Я направился к калитке. Дом, в котором я появился в этом времени, был небольшим частным домишкой, в три окна по фасаду, обычный такой деревенский. А бегали мы, стало быть, в центр города. Почему решил, что это город? Улочка, где стоит наш дом, маленькая, узкая, а ближе к центру, к складам, их уже много и более широкие. Плюс застройка. Дома уж больно не похожие на деревенские, каменные, двух- и трехэтажные, а тут, стало быть, окраина, с частным сектором.

Едва оказался возле калитки, меня чуть не сбила с ног та женщина, что и разбудила меня утром. Стало быть, моя новая мама?

– Живой?! – выдохнула женщина, буквально падая на землю. Я попытался ее подхватить, да где там, сил-то нет совсем, едва не рухнул вместе с ней. – Склады? – женщина спросила,

подняв голову ко мне и заглянув прямо в глаза. Я лишь кивнул в ответ и не смог удержать взгляд, глаза сами опустились, уставившись в землю.

Как рыдала эта женщина, боже, никогда бы этого не слышать. Плач женщины, это всегда трагедия, а уж когда есть такая причина, как сейчас... Жена только что потеряла любимого мужа, а могла бы еще и сына, ведь сама его туда и послала. Плакала она недолго, минут через пять внезапно вскочила, лицо было настолько бледным, я бы даже сказал, страшным, что мне стало жутко. Не сказав мне и слова, женщина просто рванула в сторону складов, откуда я только что принес дурную весть. Что делать мне, я не знал, поэтому решил вернуться в дом и дожидаться ее.

В доме я оказался совсем один и решил воспользоваться моментом, узнать хоть что-то о происходящем вокруг и о себе лично. Открыв верхние ящики комода, практически единственного предмета мебели в комнате, через минуту уже закрыл их. Где мама хранила документы, понятия у меня не было, а рыться в чужих вещах не любил никогда. Обведя взглядом помещение, наткнулся на газету, лежавшую на столе у окна. Схватив листы желтоватой бумаги, начал бегло читать, хорошо хоть писали на русском языке, а то пришлось бы поломать голову. То, что я на территории Беларуси, я уже понял, хорошо, что газеты печатают именно на русском, а не на местном языке. Это не английский или немецкий, которые я худо-бедно, но знаю, все эти суржики, белорусский, хохляцкий и прочий цыгано-молдавский понимать просто не хочу. Для кого-то это свяшенно, заранее извиняюсь, но лично для меня это исковерканный русский язык.

Через несколько минут я уже был в курсе того, какое время посетила моя многострадальная душа, в плане местности все не так очевидно, больше догадки. Итак, на дворе тысяча девятьсот сорок первый... Если бы кто-то был сейчас дома и слышал мой мат... Таких перлов из уст ребенка, наверное, тут еще не слышали. Что со мной случилось, если мое сознание, душу, если хотите, запихнули в прошлое? Ну почему я такой «везунчик», а? Нет бы отправили в какой-нибудь магический мир, или подарили портал в прошлое, с кучей денег и возможностью заниматься исследованиями. Нет же, полезай в сорок первый, где ты сдохнешь через день, мать их за ногу да об угол, кто бы это со мной ни провернул. Как и что, впрочем, уже неважно. Я тут, в новом теле, и с этим что-то нужно делать. О том, чтобы стать в новом для себя времени кем-то вроде Рэмбо, не может быть и речи. Это только в глупых книжках современных мне писателей возможно, где герой в семь-восемь лет убивает здоровых мужиков, совокупляется с женщинами и вообще герой-одиночка. Если реально смотреть на вещи, становится тяжело. Я ребенок, мне лет десять, по ощущениям. Маленький, худенький, силенок нет вообще, о чем тут говорить, что делать не знаю вообще. Знаний в голове масса, а как их применить...

С улицы донесся шум и заставил выскочить на улицу. Вновь налет. Самолеты проходили очень низко, завывая поршневыми движками, пугая всех вокруг. Оглядывая происходящее, заметил женщину, ту, что вроде как моя новая мама. Двигаясь как зомби, не замечая ничего вокруг, она медленно ковыляла от калитки к дому. Необходимо было ее поддержать сейчас: я уже сообразил, что отец, муж этой женщины, погиб при налете, значит, нужно проявить сыновьи чувства.

– Мам, мам, скорее в дом! – закричал я, подбегая к женщине. Та продолжала отрешенно смотреть как бы сквозь меня. – Мамочка, ну, давай же скорее!

– Захарка, папки больше нет у нас, – и женщина, обмякнув, завалилась на землю, не дойдя до крыльца несколько шагов. Неловко попытавшись ее поднять, я было отчаялся, когда почувствовал чью-то помощь.

– Держись, сынок. – Руки, сильные, грубые мужские руки подхватили маму и понесли в дом. Глядя в спину того, кто мне помог, я последовал за ним. Мужчина был невысок, средней комплекции и возрастом ближе к пенсионному, то есть годам к шестидесяти. Скуластое и морщинистое лицо выдавало в нем работягу, трудившегося всю жизнь на очень тяжелой работе.

Да и где ее сейчас найдешь, легкую-то? Офисов с кучей бездельников в белых рубашках тут нет, да и появятся не скоро; слава богу, тут все делают руками.

В доме мужчина быстро достал из какого-то шкафчика бутылку, почему-то я сразу подумал, что в ней водка, и дал глотнуть матери прямо из горла. Та мгновенно закашлялась и даже оттолкнула мужчину.

– Ну вот, пришла в себя, – констатировал он.

– Пашка, ты очумел? – мама смотрела на мужчину вытаращенными глазами, из которых текли слезы, в этот момент она почему-то показалась мне некрасивой. Горе не красит женщину, она как будто мгновенно постарела, лицо осунулось, ярче стали выделяться морщины и в волосах появилось больше серебра.

– Лида, надо уходить, немец близко. Василич из Бреста ко мне утром завалился, говорит, убивают всех подряд, без разбора. Старики, дети, женщины, всех под молотилку, этому зверью все равно.

– Вот и поезжай, – фыркнула мама. – Мне надо мужа похоронить. Да и куда мне уезжать? Мои-то в Казани!

– Дура баба, кого хоронить? Ты же была у складов, там завал месяц разгрести нужно, думаешь, осталось что-то, что хоронить можно? – взмахнул руками мужчина.

– Захар, не уходи никуда, не хватало еще и тебя потерять! – обратилась ко мне мать, видя, как я начинаю пятиться.

– Хорошо, – кивнул я и направился к выходу из комнаты.

– Почисти картошки, я отварю попозже, – бросила мне вдогонку мама.

Пошел на кухню искать картоху, откуда мне знать, где она лежит? Порыскал по всем темным местам – пришла в голову мысль о подполе. Точно, почти по центру кухни из доски пола торчало железное кольцо. Потянув на себя, сдвинул крышку, которой был закрыт вход в подпол. Крышка, как и весь пол, была сбита из довольно толстых досок, поэтому оказалась увесистой, но я справился. Заглянув вниз и поняв, что там темно, стал искать чем бы посветить. На одной из узких полочек, над столом у окна, нашел небольшой огарок свечки, закрепленный на маленьком куске древесной коры, а рядом спички. Запалив свечку, подивившись на эти самые спички, полез в подпол. Спички удивили внешним видом. Во-первых, толстые, а во-вторых, коробок был как будто из фанеры, прочный и большой.

Осветив немногочисленные полки в подполье, разглядел банки с соленьями и вареньями, какие-то веники, висящие на стене, а также стоящий на полу деревянный ларь.

– Наверное, тут, – тихо прошептал я и открыл крышку. Картофель оказался именно здесь, старый, видимо прошлогодний, для свежего-то еще рановато, конец июня только. Длинные ростки и вид клубней вызвали непроизвольное желание поморщиться. Набрав в руки немного, ладони-то еще маленькие, попутно раздавив в пальцах пару картофелин, гнилые попались, я начал вылезать наружу. На кухне, недолго думая, подхватил небольшую корзинку, попала на глаза, полез назад и набрал почти целую, еле вытащил. Появилась новая проблема, не знал, как ее помыть. На лавке стояли два ведра, накрытые крышками, вода в них была чистой, просто кристальной. Вновь пытаюсь осмотреть кухонную утварь и нахожу ковшик, железный и старый, но надраенный до блеска. Зачерпнув воды из одного ведра, в котором было поменьше, начал мыть картоху. Ножи я видел ранее, поэтому спустя пятнадцать минут начистил целый чугунок, взятый с печки. Для незнакомых пальцев работа была привычна, а вот сами пальцы пока для меня не очень. Налив в него воды, остановился. А как печь растопить, тут нет газовой плиты, не то время. Спасла положение мама, появившаяся из-за шторки, отделяющей кухню от комнаты.

– Молодец, сынок, давай я сама дальше, – произнесла она спокойно, но выглядела отрешенной.

– Мам, ты только огонь разведи, дальше я сам.

– Что сам? – женщина вскинула на меня свои красивые некогда глаза.

– Сварю, – пожал я плечами.

– Ладно, – так же, как и прежде, спокойно ответила мама.

Процесс варки картофеля был нехитрым, хоть и отличался от знакомого мне, но только тем, что вместо газовой плиты тут была печь. Мама все это время была в комнате, мужчина, которого она назвала Павлом, давно ушел, а она просто лежала на кровати.

– Ты давай, Захарка, сам поешь, я что-то плохо себя чувствую, – пролепетала она, показавшись на минуту, когда я гремел посудой, сливая воду из чугунка.

– Тебе бы тоже поесть, мам, – заметил я.

– Не хочу, сынок. – Она вновь скрылась за ширмой, а я решительно двинул в подполье. Я там на полочке грибочки в банках видел, наверняка соленые, аж слюни потекли.

Как прошло полдня, я и не заметил. После плотного обеда, картошка с солеными грибами зашла как по маслу, я сидел у открытого окна на лавке и смотрел на улицу. Суета не прекращалась, все куда-то бегут, спасаются видимо. Возле калитки, незаметно для меня, появились две женщины, даже окликнули меня.

– Захар, где мать? – спросила та, что была ближе к дому.

– Лежит, плохо ей, – ответил я, разглядывая женщин. Знатные такие красавицы, в каждой под сотню чистого веса, но толстыми они не выглядели, скорее – коренастыми. Видели женщин, которые на олимпиадах ядро толкают? Вот такой же типаж.

– Скажи, на работу не надо, директор уехал, сказал и нам всем бежать. Горсовет весь день машины грузит и отправляет, людей не берут, только документы да барахло свое тащат. Вы сами-то как, поедете?

– Не знаю, как мама решит, – ответил я.

Женщины ушли, я сидел в размышлениях. Все они правы, все, кто уже нам с матерью советовал уезжать, да только поедет ли она? Узнал я наконец и место моего сегодняшнего нахождения. Город Кобрин, блин, мы же сразу по дороге от Бреста, который будут долго оборонять, но нас захватят буквально сегодня-завтра. Жить под немцами? А как? Они ж тут всех под нож пустят, а жить дадут только тем, кто сотрудничать станет. Черт, ну почему я такой маленький... Руки ощупали тело в такт мыслям. Ну, первый взгляд был ошибочным, тело хоть и детское, тощее, но крепкое, жилистое. Видимо, жизнь в это время, да еще и в частном доме, не давала расслабиться. Или это батя, которого я так и не увидел, старался меня нагружать работенкой, от которой тело и окрепло. Взять хоть тот же чугунок с картошкой, весит он немало, но я с ним довольно легко справился. Эх, времени бы чуток, вспоминая то, чему учился в своей жизни, там, в будущем, я бы привел это тело в порядок быстро, только теперь уже не перестарался бы. Это там я в шестнадцать лет был мастером спорта по силовому троеборью и гиревому спорту, кандидатом в мастера по плаванию, здесь такого не будет.

Спать мы легли рано, стало банально страшно. Всякое движение по улице перед домом закончилось, грохот стрельбы и взрывов тоже, поэтому мама приняла, как мне подумалось, самое верное решение. Спать. А наутро, около восьми где-то, я лежал на печке за занавеской и трясся. Сначала до ушей донесся рокот двигателя, затем он сменился на топот во дворе, и вот я отчетливо слышу, как кто-то грузно пробирается по сеним и вот-вот окажется в комнате. Слышу, как упало ведро, невнятную речь и вновь глухие шаги по дощатому полу.

«Ну, за что мне все это, а?»

– Эй, баба, давай еда! – слова с настолько ужасным акцентом были произнесены безапелляционным тоном. Я дрожал, но все же нашел в себе силы и медленно оттянул край занавески. Огромный, в серой форме, как в кино прямо, немец стоял перед матерью и скалился. Конечно, они тут себя уже хозяевами чувствуют. Кстати, я был немного удивлен и разочарован в немце. А где знаменитое:

«Яйки, млеко, сало!»

Немец потребовал еды, назвав мать бабой, видимо, словарный запас не позволяет нормально общаться. Я, кстати, из прошлой жизни немецкий неплохо знаю, но, видимо, из-за нового, молодого мозга говорить не могу, попробовал, получается хрень какая-то. Зато понять могу почти все, знания-то никуда не делись, лишь бы говорили не очень быстро. Думаю, и говорить смогу, но позже.

Я было уже успокоился, ну, получит сейчас фриц еды и свалит, тем более заявился он в одиночку, когда действие в комнате пошло в неправильном ключе. Сначала до меня донеслась возня, и когда я вновь оттянул занавеску, мне поплохело. Фриц схватил мать и пытался ее поцеловать, кажется. Мама активно сопротивляется, ругаясь и отталкивая здоровяка, тот же лезет и лезет, держа женщину одной рукой за горло, а второй лапая грудь.

«Бац!» – есть контакт. После очередного маминого беспомощного тычка фриц съездил ей по щеке, кажется, ладонью.

Я слетел с печи как молния и, подлетев к фашисту, начал дубасить его по спине своими хилыми ручонками. Тот даже не обернулся посмотреть на этакую назойливую муху, а попросту отмахнулся от меня так, что я улетел в другой конец комнаты. Мама запричитала, а фриц продолжил ее хватать за разные места. Это все я наблюдал, сидя под стеной, по которой только что сполз. Болели скула, этот гад попал мне по ней, и спина от удара о стену. И тут мне в глаза бросился один предмет. Точнее, их было больше одного, но этот... Фашист повалил маму на пол и уже навалился сверху, пытаясь что-то сделать, скорее всего, раздвинуть ей ноги, так как возился где-то в том месте, а вот его снаряга лежала возле стола. Главным предметом, что заинтересовал меня, была винтовка. Темно-коричневая, почти черная, она и пугала, и манила к себе одновременно. Я буквально на цыпочках подкрался к столу и хотел схватить оружие, но не тут-то было. Винтовка была очень тяжелой для меня, то, что у меня ничего не получится, я понял быстро, едва потрогав оружие. Что делать, не приходило в голову, и, все же собрав все силы в одно действие, я смог стащить и даже удержал винтовку в руках. Ствол тянуло вниз, я с трудом удерживал оружие, но что делать дальше, не знал. Смешно, но я только сейчас осознал, что, если выстрелю, застрелю и мать, пуля легко пробьет оба тела, это я помню из прошлой жизни. Точнее, помню характеристики винтовки и патрона.

То ли я все же нашумел, то ли немца что-то насторожило, но в какой-то момент он вдруг обернулся и начал слезать с матери.

– Беги, Захарка! – крикнула она, пытаясь вскочить. А фриц уже был возле меня.

Нажал спусковой крючок я как-то машинально, как будто делал это и раньше. Нажал и понял, что на самом деле ничего я не нажал, вот такой каламбур. Мне банально не хватило сил продавить тугой спуск немецкой винтовки. В следующий момент рука немца ухватилась за ствол и рывком дернула его на себя. О том, чтобы удерживать оружие, не могло быть и речи. Фриц заржал в голос, ну и противный же у них и язык, и смех, а затем как держал винтарь за ствол, так и ткнул меня обратным концом прямо в лоб. А другой конец винтаря это окованный приклад. Звезды, говорите, видно, когда получаешь по лбу? Вранье! В глазах моментом потемнело, и я отключился.

Сколько я был без сознания, не имею представления, но пробуждение было очень тяжелым. Рвало меня как из пожарного шланга. Дико болела голова, во рту помойка, перед глазами разноцветные круги.

– Сынок, сынок, ты слышишь меня? – донесся как сквозь вату голос матери. Она потрепала меня по щекам, и слух тут же обострился, поэтому на следующий вопрос матери я ответил не в тему.

– Мам, не кричи, пожалуйста, голова сейчас лопнет, – сказал я таким тоном, каким привык говорить в свое время. Поймав взгляд матери, удивленно-испуганный взгляд, надо заметить, я добавил: – Очень больно, мама.

– Потерпи, сынок, сейчас я тебе тряпицу сменю, холодное поможет. – Она и правда быстро стащила у меня со лба тряпку и, намочив ее в тазу, стоявшем рядом со мной, почти не выжимая вернула ее на мой многострадальный лоб. Стало и правда легче.

– Мам, а где этот гад? – спросил я о том, что меня мучило. Хотелось спросить другое, успел ли этот козел сделать с матерью что-нибудь плохое, но я постеснялся. Не знаю, сколько времени я отсутствовал, немец мог и совершить то, что задумал.

– Вон лежит, отходит уже, – зло зыркнула куда-то в сторону мама, и я увидел на ее глазах слезы. – Сволочь, чуть не убил тебя!

– Мам, да я нормально, ты сама-то как? Что он тебе сделал?

– Ничего, мой мальчик, ничего. Если бы не ты, то сделал бы, а так все хорошо.

– Мам, а ведь его хватятся, наверное? Он же не один в городе...

– Бежать надо, сынка. Дождемся ночи и уйдем. Через огород к пруду выйдем, а там через улицу роща, ищи нас там!

Решили, чтобы не рисковать, стащить на всякий случай немца, который все же отошел в иной мир, в подпол. Пока ворочали, спросил у матери, как она с ним справилась. Оказалось, пока он на меня отвлекся, она его по башке ухватом огрела. Как уж так попала, не знаю, но не пробив голову, сломала этому черту шею. Похрипел он минут десять тогда и сдох, собака, а я в первый раз увидел труп человека. К вечеру на обоих накатило отходняк. Пока прятали немца, прибирали дом, вроде и ничего было, а как успокоились, началось. Сначала я после перекуса вдруг переблевался, это не вовремя вспомнил о фашисте. И почти сразу за мной мама. Плохо было обоим настолько, что не могли голов оторвать от тазиков, и это нас спасло. Мы, склонившись над двумя тазами, рыгали, вытирали слезы и вновь рыгали, когда открылась дверь и в комнату ввалились сразу два немца. Увидев нас, они загомонили что-то на своем собачьем языке и рванули прочь. Представляю картину, которую они застали. Мы ведь не только над тазами сидели, вокруг, на полу, довольно грязно, а убирать сил нет. Воньща стоит... Вот фрицы и сбежали, а мы спустя пару минут оклемались разом. Представляю, что они подумали, картина полностью укладывалась в их мировоззрение: русские – свиньи.

– Захарка, ты как, сынок? – спросила мама, приводя себя в порядок и вытирая губы мокрым полотенцем.

– Нормально, мам, но есть еще долго не смогу.

– Я тоже. Темнеет наконец. Как назло, сейчас самые короткие ночи стоят, но думаю, успеем.

– Мам, давай оружие немца возьмем? – предложил я.

– А зачем? Поймают с ним, сразу убьют, да и не умею я им пользоваться, а у тебя пока сил мало, не справимся.

– Ты права, – кивнул я. Действительно, а на фига нам эта бандура? Вот ножичек от винтовки я заныкал. Тоже опасно тащить с собой, но хоть какое-то оружие. Вряд ли я смогу им воспользоваться, надо реально смотреть на вещи, но вдруг выменять удастся на что-нибудь нужное?

Едва вокруг стало тихо, мы с мамой, собрав нехитрые манатки, помчались прочь из города. Хорошо, что жили практически на окраине, частный сектор, так сказать. За нашим огородом пруд и соседский участок, а за ним уже небольшая роща. Пробрались тихо, пришлось попотеть, однако луна светит, да и так ночи светлые. Возле пруда остановились, я сам попросил маму искупаться.

– Мам, ну воняет от нас, сил нет. А если немцы собак пустят по следу, по такому запаху они нас сразу найдут.

– Дело, сынок, говоришь, да только мыться-то нечем. Но все же ты прав, давай хотя бы сполоснемся и одежду сменим, я тоже себя чушкой ощущаю.

Я первым залез в пруд, раздевшись донага. Мама не смотрела на меня, а больше и не увидит никто, да и было бы там чего стесняться. Быстренько окунулся, потер тело и потрепал волосы, довольно длинные они у меня, я такие никогда не отращивал. Вылез, мама подала мне белье, которое захватила с собой, я оделся и стал смотреть вокруг, нет ли кого. Тем временем и мама, скинув с себя легкий летний сарафан, а затем и белье (я не смотрел, понял, когда увидел, как одежда упала рядом), зашла в воду.

– Ой, как ты в ней плещешься, холодная! – фыркнула мама, дрожа от холода. Если честно, я тоже заметил, что вода на удивление еще не прогретая, хотя почти июль на дворе. Но позже из рассказов матери я понял, что этот пруд всегда такой, она мне раньше даже запрещала на него ходить.

Пройдя рошу, мы оказались на отличном заливном лугу, я даже засмотрелся, как лунная дорожка освещала блестящую от росы траву. Высокая, мне по горло будет, она мгновенно сделала нашу одежду мокрой, но было не холодно.

– Нужно к лесу уходить, а то враз поймают, – проговорила мама и, сменив направление, пошла быстрее.

К лесу мы вышли посреди ночи и решили остановиться. Все же, промокнув от росы, мы прилично так замерзли, да еще и купание это... У мамы в вещах оказался коробок со спичками, и я обрадовался. Быстренько набрав сухих мелких веточек, я тут же развел костерок. Когда стало светлее вокруг огня, насобирал уже веток посерьезнее. Опасно, конечно, мы даже не углубились в лес как следует, так, прошли метров двести и остановились, но холод брал свое.

– Одежды больше нет, Захар, но я сейчас высушу ту, что прополоскала в пруду, подбери колья, надо развесить.

Я мигом сообразил, что мама имеет в виду, и принялся ломать ветки рябины, растущие вокруг. Сырая рябина ломается плохо, намучился прилично, но пять штук все же добыл и, притащив, повтыкал вокруг костра, как указала мама.

– Что ж нам делать-то теперь, сынок? – мама сидела на земле, опустив голову, а мне отчаянно хотелось ее утешить. – Папки больше нет, немцы, война... Может, я неправильно поступила?

– Когда? – не понял я.

– Ну, с этим немцем, – мама мотнула головой в сторону. – Может, не надо было сопротивляться, глядишь, так и жили бы дальше.

– Мам, ты чего, он же тебя чуть не убил? – вытаращил я глаза.

– Да не, сынка, не убить он хотел, – мама горько ухмыльнулась и продолжила: – Солдаты они, в армии баб нет, вот ему и захотелось. Снасилывал бы меня, но убивать не стал бы, я думаю, вроде сначала не злой был.

– Мам, – меня просто корежило от ее слов, – ты все сделала верно. Думаю, папа бы похвалил!

– Папа... – многозначительно покачала головой мама. – Да, Захар, ты прав. Да и противно это, ты еще не понимаешь пока...

Все я прекрасно понимал, фриц хотел тупо изнасиловать мою новую маму, как такое может быть не противным? Она же не девка какая-нибудь шалавистая, а семейная, хоть и вдова теперь. Да и кому изнасилование может понравиться? Только козлу насильнику, нормальному человеку от этого противно.

Одежка высохла быстро, мама начала переодеваться, и снова даже не попросив меня отвернуться. Я сначала и не обратил внимания на ее возню, а когда скосил глаза и увидел... Черт, какие-то уж слишком простые нравы тут, в этом времени. Каким бы ребенком она меня ни считала, но все же я пацан, мне десять лет, скоро одиннадцать. Отвернувшись, я и сам сменил одежду и повесил сырую на колья.

– Долго тут нельзя сидеть, слышишь, опять грохотать начали!

Забрезжил рассвет, ночь заканчивается, мы уже были сухими, и мама предложила идти дальше.

– А куда? – спросил я.

– Отойдем немного подальше от города, будем искать людей. Должны же бежать люди от войны, видел, сколько через Кобрин шло?

– Ага, много, – кивнул я.

Когда стало светло, идти по лесу было легко и приятно. Через пару часов пути случилось то, что вновь сыграло злую шутку со мной и мамой. Возле кромки поля, на которое мы случайно вышли, наткнулись на четверых солдат. Это были наши, красноармейцы. Все грязные, как чушки, в бинтах и тряпках, пропитанных кровью, было непонятно, как они сюда вообще зашли.

– Кто такие! – Нас с мамой встретили стволы двух винтовок, направленные в нашу сторону.

– Беженцы мы, – быстро ответила мама, прижав меня к себе.

– Откуда? – Винтовки опустились, а я разглядел тех, кто их держал. Странно, что вообще смогли поднять оружие, ранены были все. Рядовые вроде, род войск не понять, гимнастерки в грязи, не разглядеть. У одного, что сейчас лежал на земле, рядом лежит фуражка, густая трава мешает разглядеть, но как бы не зеленая она. Пограницы, что ли?

– Из Кобрина, – продолжала мама. – Вы ранены, вам помочь?

– Спасибо, бинтов все равно больше нет, да и промыть нечем.

– Ну-ка, – мама как-то быстро принялась командовать, – показывайте, у кого серьезнее всего, сейчас сарафан распушу и будет вам бинт! – Она и правда достала из мешка сменный сарафан, в разноцветный горошек, и принялась его рвать на ленты. Я хотел было подойти к солдатам, когда мама окликнула меня:

– Захарка, иди сюда, нужно на тряпку пописать. – Я обалдел, а она повернулась к солдатам и разъяснила: – Детская моча очень полезна, выведет всю грязь и снимет воспаление!

Надо отдать должное солдатам, даже не думали противиться или перечить. Оба, что были с оружием, дружно указали на одного бойца, который лежал в стороне. Это возле него лежала фуражка с зеленым околышем.

– У него ранение в живот, он самый плохой, но там пулю вытаскивать нужно, не можете вы.

– Плохо. Он в сознании?

– Нет, уже час как бредит, глаза не открывает.

– Извините, ребята, но он, скорее всего, не выживет, – грустно проговорила мама, опустив глаза.

– Да и сами понимаем. Вон у Петро ногу посмотрите, осколком зацепило, еле шел.

– А вы сами? – мама обвела взглядом обоих активных пока солдат.

– Да мы нормально, царапины, устали очень. У вас ничего поесть нет? – Мама развела руками, у нас и правда ничего уже не было, ночью доели то небольшое, что она с собой прихватила из дома.

– Откуда вы, ребята, из крепости?

О, а ведь точно, Кобрин совсем недалеко от Бреста!

– Вышли в крепость, батальоном, еще двадцать второго, мы у вас под Кобрином были. А по пути налет, раздолбали под орех. Этого парня, пограничника, подобрали в лесу, он еще говорить мог, а мы трое из одного батальона. Пехота. Пограничник сказал, заставу с землей сровняли, его и еще троих отправили в соседнюю часть, за подмогой, связи не было уже, по дороге нарвались на немцев, и все, кроме него, полегли прямо там, в поле.

– Беда... – прошептала мама.

– Ничего, – подхватил еще один солдатик, до это молчавший, – отдохнем, чуть подлечимся и выкинем немца обратно, в их поганую Германию!

Да, люди этого времени живут лозунгами, те, кто соображает слабо, ну, или у людей просто сложилась привычка думать именно так. Их ведь старательно учили, воспитывали, прививая мысль о всемогуществе Коммунистической партии. Большевики реально считали, что раз партия сказала надо, то простые люди из кожи вылезут, но сделают.

Они еще долго разговаривали, мама и бойцы, я почти не слушал. Разглядывал их, включая и мою новую маму, интересно же. Другая эпоха, совсем другие люди. Они по-другому думают, мыслят, говорят и поступают. Я уж и не вспомню, видел ли я в своем времени людей с таким мировоззрением. Вначале, вникая в смысл разговоров, я чуть не закричал, что они заблуждаются. Такой наивности мы, люди двадцать первого века, не встречаем давно, изжили ее.

Что послужило причиной того, что мы с мамой пошли вместе с красноармейцами дальше, не знаю, но на том месте мы провели день, а к вечеру выдвинулись. День не просто сидели, прячась, пришлось и потрудиться, даже мне. Не приходя в сознание, умер пограничник, ранение было слишком тяжелым. Копали могилу, солдаты были усталыми и к тому же ранеными, поэтому и пришлось нам с мамой помогать. Лопатки, аж две штуки, у солдат были, поэтому проблем с копкой не было, а вот стоять в яме и выкидывать наверх тяжелую землю для меня еще трудновато. Ну нет еще столько сил, чтобы наравне со взрослыми пахать. Смешно, я прежний старше всех тех, кто сейчас вокруг меня, но выгляжу как ребенок, вот и относятся ко мне все именно как к пацану.

Вечер и часть ночи прошли в пути. Двигались по окраинам полей и лесов, дорогу оставляя в доступной близости, это и сыграло с нами скверную шутку. Уже под утро, когда мы намылились искать место для привала, впереди справа послышался какой-то шум. Это было больше похоже на тихий низкий рев осинового гнезда. Знаете, когда эти полосатые заразы сляпают свой улей где-нибудь под крышей дома, а когда проходишь мимо, слышно гул, это сливается вместе жужжание десятков особей. Вот и тут, гул нарастал, и я, стараясь не привлекать внимания, шепнул маме о том, что и кто находится совсем рядом. Оказалось, я ошибся совсем немного. Да, это были немцы,двигающиеся в клубе пыли по проходящей рядом дороге. Только я маме сказал, что там мотоциклисты врага, а на деле... Колонна была большой и растянулась, наверное, не на один километр. Как из нее нас заметили раньше, чем мы сами услышали шум, уму непостижимо. В небо устремились сразу две фиолетовые ракеты, а я мгновенно упал на землю как по команде и начал загребать в противоположную сторону. Мне что-то кричали мама и один из солдат-красноармейцев, но я не слушал. Очнулся, лишь когда началась стрельба и голосов уже не было слышно. Как я вспомнил такое, не представляю, но в голове просто набат звучал: «Фиолетовая ракета, беги куда придется!»

Когда-то очень давно мне не раз попадались упоминания в рассказах фронтовиков, что фиолетовой ракетой немцы обозначали атаку всего подразделения, если на марше замечали противника, то стреляли просто все сразу. Вот и сейчас немцы открыли плотный огонь в нашу сторону. Отбежав чуть в сторону и встав во весь свой маленький рост под какими-то кустами, вглядываясь туда, откуда сбежал, я не мог различить своих. Черт, я потерял маму, да и парней было жалко, надо было крикнуть им о проблеме, а только потом бежать. Стрельба между тем кончилась, но на поле была суета. Не зря я удивился, как нас смогли разглядеть, нет, это фрицы заметили кого-то еще, вот и атаковали, а нам заодно досталось. Я разглядывал силуэты, суетящиеся впереди, и не сразу обратил внимание на лай собак. А зря. Когда собачки оказались совсем рядом со мной, было уже поздно бежать, и я тупо полез на дерево, чтобы не разорвали.

Сбежать от этих друзей человека нереально, я это прекрасно понимал и потому, услышав лай уже под деревом, где я сидел, не удивился.

– Ком, ком, – крикнул и тут же повторил здоровенный детина в серой форме, направляя на меня винтовку. Второй, стоявший рядом, держал собаку. Где-то рядом слышались голоса и было件нятно, что эти два немца не одни тут.

По-русски ни слова, все на своем поганом языке лают. Блин, реально не поймешь, то ли это овчарка на меня гавкает, то ли человек. Рябинка, на которую я взлетел пару минут назад, гнулась под моим легким телом и тянулась к земле. Кричавший фриц взялся руками за ее тонкий ствол и так потряхнул, что я чуть не улетел.

– Спускаюсь, спускаюсь, – крикнул я и полез вниз. Я почему-то больше боялся собаку, чем немца с оружием. Когда оставалось только спрыгнуть вниз, я показал немцам на собаку. На удивление, те не стали издеваться и отвели ее в сторону. А страшная она, немецкая овчарка, натасканная на задержание. Низкий силуэт, черный с белым окрас и оскаленная пасть пугали серьезно. Слюни капаят, а кажется, что кровь...

Меня схватили за ворот и слегка встряхнули. Делая вид, что мне ужасно страшно и больно, я завопил. В ответ огрызнулась овчарка. Немцы между собой вели разговор, я плохо понимал, то ли уровень знания языка у меня хромал, хоть и учил когда-то всерьез, то ли фрицы эти голосят на каком-то диком диалекте. Когда спокойно говорят, вроде понимаю, но как-то только повышают голос и речь становится быстрой, все, сплошная каша в голове.

– Карл, не надо, это ж мальчишка совсем, – говорил один из солдат, который и держал собаку. Слов было много, но понимал я не все. На вид собачнику слегка за тридцать, тощий, при этом высокий, он напоминал собой то деревце, с которого меня только что стряхнули.

– Да все они большевики и жидаы! – Тот, что меня держал, был более злым и, в подтверждение моих мыслей, периодически встряхивал меня, заставляя шипеть от того, что ворот впивался в горло. Этот был противоположностью собачнику. Рослый, ростом чуть ниже своего напарника, да и по возрасту явно моложе, лет двадцать пять. У обоих форма была сильно запыленной, вся в разводах от пота и сильно воняла.

– У меня такие же два, одному одиннадцать, второму девять, этот не старше их, дай бог десять ему. Поверь мне, там еще ума нет совсем, по своим знаю, простой мальчишка.

– Не знаю, не знаю. Давай отведем его к Рольфу, пусть господин обер-лейтенант решает, что с ним делать.

И меня потащили к дороге, от которой я и бежал. Примерно разглядев то место, откуда я стартовал, пытался увидеть маму, но тщетно. Вокруг были только солдаты в серой форме, а убитых не видать.

На дороге, куда меня притащил здоровяк, была суета, но видно, что немцы уже успокоились и приводят себя в порядок. Чуть в стороне, метрах в ста, на земле что-то лежало. Приглядевшись, рассвет вполне уже позволял, понял, что это люди. Убитые люди. Есть ли среди них мама, уверенности не было, там просто куча какая-то из тел. От разглядывания убитых меня отвлек подзатыльник.

– Ай! – зашипел я, ударили неслабо.

– Кто ты такой? – рядом стоял немец. Именно такой, какими их показывали в кино. Сразу видно, офицер – погоны, фуражка, волевое лицо, смотрит сверху вниз с пренебрежением и брезгливостью. В руках трость, постукивая ею по сапогу, немец в любой момент мог зарядить мне в лоб этой хреновиной. Спрашивал, на удивление, на русском языке, корявом, но все же.

– Захар, – ответил я, потирая затылок.

– Что ты тут делал? – немец спрашивает, а сам практически не смотрит в мою сторону.

– Мы шли с мамой по полю, увидели солдат...

– Солдат Великой Германии?

– Нет, наших, советских солдат. Они предложили идти вместе, а дальше началась стрельба, и я побежал, испугался.

– Где твоя мать? – немец, наконец, посмотрел мне в глаза.

– Я не знаю, была там, – я указал примерное место.

– Там всех убили, господин офицер, – наклонившись к офицеру, произнес один из стоявших рядом солдат. – Там были солдаты и женщина.

Я все понял из этой речи, хотя она и была сказана на вражеском языке. Не осознавая, как это получается, я вдруг зарыдал. Немцы не трогали меня, а я упал на колени, принялся реветь и растирать глаза ладонями. Чувство было такое, что во мне проснулся прежний владелец тела, мальчишка. Хоть мне и нравилась эта женщина, она была очень добра ко мне, сразу видно, что очень любила сына, но все же для меня-то она была чужой. Вот и выходило, что плакал как бы ее сын, а убирать слезы с лица пытался я, новый владелец тела. Блин, запутаюсь скоро.

– Отведите его к жандармам, они скоро поедут к Бресту, там организовывается лагерь, пусть отвезут туда, – произнес офицер одному из солдат.

– Так точно, господин офицер! – ответ был бодрым и четким.

Меня попытались поднять за руки два солдата. Сопrotивляться я не мог, да и как? Поэтому я тупо висел, подхваченный под руки, и пытался не ныть. Вообще, что-то детское во мне все еще шевелилось и не давало адекватно реагировать. Вижу взрослых и, против своей же воли, поступаю, как ребенок, надеюсь, это ненадолго.

Путь оказался коротким, меня просто отвели в конец колонны, где находились несколько германских солдат на мотоциклах. Обращение к ним я прослушал, хлопал глазами и офигевал от количества солдат и техники. Сила, однако, и порядок. Ответ жандарма, с которым вел разговор мой конвоир, я все же услышал.

– Хорошо! Будет выполнено!

Меня легонько так подтолкнули в направлении нового конвоира и забыли обо мне. Жандарм же, напротив, взял за плечо, довольно болезненно сдавив его своей клешней.

Я вновь подал голос, пискнул. Ну и получил уже более серьезный тычок.

Хрясь, что-то здорово так хрустнуло в моих руках и раздался дикий вопль. Точнее, я-то знал, что именно хрустнуло, рука, конечно, причем не моя.

Вот уже второй месяц я нахожусь в лагере. Тут только гражданские, причем именно дети. Старше шестнадцати нет никого, но и девочки, и мальчики, живут в одном бараке. Хруст чужой руки в моих возник не просто так. Здесь постоянные битвы идут. За еду, за лучшее место в бараке и тому подобное. Как мог, я обходил конфликты, стараясь быть незаметным. Но есть-то хотелось. Вот в очередной раз, после раздачи баланды, я отказался передать ее старшему собрату по несчастью.

В бараке нас было примерно пятьдесят человек, сколько точно, не считал, не до этого было. Почти сразу начали образовываться группировки. Несколько здоровых шестнадцатилетних парней подмяли под себя кучки малолеток и устраивали... Да беспредел они творили. Пользуясь разобщенностью и возрастом угнетаемых, они забирали всю еду и делились только с членами своих банд. От чего большая часть заключенных-детей страдала от голода. Были даже смерти, уже через месяц умерли двое, два мальчика, они просто вообще не ели за все то время, что находились здесь. Пацанам было лет по шесть, это даже не дети – малыши совсем, что они могли? Таких, правда, было мало, основной контингент состоял из таких, как я, плюс-минус два года. То есть в основной массе здесь находились дети от десяти до четырнадцати лет. Зачем немцам дети старше, не понимаю, это ж люди со сложившейся психикой, воспитывать их уже поздно. А немцы пытались именно воспитывать нас. Те, кто сразу заявлял о своей преданности Германии, исчезли из барака в первую неделю. Где они теперь, никто не скажет. Оставались, так сказать, «молчуны» и прибалтанные. Откуда у вроде бы детей такая воровская закалка и привычки, для меня было тайной.

– Сука мелкая, ты чего сделал? – окрик вырвал меня из размышлений и заставил напрячься.

Я только что подписал себе приговор. Когда в очередной раз ко мне подошли «шестерки» и протянули руки за моей пайкой, я сломал одну из клешней. Вышло все как-то легко и спонтанно, даже удивился сначала. Все дело в голове. Из прошлой жизни в памяти было столько всего, что хватит на троих местных, я же спортсмен в прошлом-будущем, причем не рядовой, имел и разряды, и звания. Вот и сработал мозг так, как привык в той жизни, а я, наконец, осознал, что детское мышление, которое так долго превалировало над моим личным, побеждено. Это раньше я хныкал и боялся всего, но с этим покончено. Холодный расчет, уверенность в силах возобладали. Да, проблема теперь в теле, но, думаю, выкручусь, если не убьют прямо сейчас.

– Я есть хочу. – Перед тем как дать отпор противнику, я аккуратно поставил миску с баландой на землю в сторону, теперь же поднял ее и начал есть, даже не глядя в сторону угрозы.

Парнишка, который привычно подошел забрать у меня пайку и получил травму, тихо скулил в сторонке, пытаюсь унять боль в руке, но куда там, кисть сломана. Из глубины барака, откуда меня и окликнули, поднялись и пошли ко мне сразу двое других. Такие же, как и калечный, лет по четырнадцать. Все мы здесь тощие, даже самые старшие, одни ребра, так что мало отличаемся друг от друга, только ростом. Парни шли медленно, выкрикивая ругательства и проклятия, а я быстро пытался съесть то, что еще оставалось в миске. Это, кстати, немцам спасибо, за то, что кормят, как зеков в камерах. Нам выдают каждому по миске лично в руки, а не просто поставив бидон с баландой в барак. Поэтому и приходилось старшим именно отбирать еду, а не забирать всю разом. Немцы, кстати, смеялись и шутили снаружи, я это слышал не раз, наверное, еще и ставки делали, суки.

Пинок по ногам, а я сидел у стены, прижавшись спиной, заставил поднять голову.

– Ты теперь вообще ничего не получишь, сука, сдохнешь, как пес! – выпалил один из мальчишек, который и пнул меня. Пинал так, просто показывая, что он подошел и сейчас будет меня бить.

Почему они сказали, что я больше вообще не получу еды? Ну, я немного сгустил краски, у нас все же не все отнимали, двухразовое питание было у каждого. Кто не понял, двухразовое это два раза в неделю, а не в день. Поэтому, наверное, пока и умерли только двое, а не все. Миска баланды в день выдавалась каждому, а вот большая часть узников ела только два раза в неделю. К старшим в команды вначале шли охотно, видя, как они делят отнятое, но те не дураки. Они заставляли претендентов в «шестерки» биться между собой, чтобы отобрать в подручные самых ловких и сильных. Иначе, возьми они всех желающих, самым ничего не достанется, делиться-то надо, а то кто за тебя будет драться?

Ко мне потянулись руки, сразу четыре, хотели, скорее всего, поднять и притащить к старшему. Тот, сука, сидит довольный и ждет, когда к нему на поклон притащат очередную жертву. А вот хрен тебе. Мальчишки, как и сказал ранее, все были тощими и хилыми, несмотря на возраст, поэтому удар сразу двумя ногами в животы отбросил их назад. Я перед ударом только сполз чуть ниже по стене, чтобы ловчее было, а в нужный момент ударил. Попал хорошо, оба отлетели. Но сейчас, наверное, за меня примутся всерьез.

– Эка, какой у нас казачонок тут нарисовался, и где раньше был, герой? – услышал я противный голос старшего этой шайки.

Но удивляла больше реакция второго, его главного соперника. Я вроде говорил, что группировок было две? Нет? Ну, так говорю. Так вот представитель второй группы сидел тихо и просто смотрел, не давая своим «шестеркам» команды в атаку, да и не даст, разборки-то не в его группе, мы ж тут поделены все, я к его «дойным коровам» не относился.

– Я не герой, – тихо, но четко ответил я, – просто хочу есть, как и все остальные. И если тут все так и будут молчать и кормить кучку охреневших от наглости уродов, то передохнут.

А вы, черти наглые, у кого будете пайку отнимать, когда все сдохнут? – выпалил я, конечно, не подумав, но накипело, что уж говорить.

– А ну-ка, держите этого умника, братцы! – раздался клич старшего, и ко мне устремились сразу человек шесть.

Ударить я успел только первого, кто протянул ко мне свои «ветки», а дальше меня смяли. Били жестоко, удавалось закрываться только первые секунды, дальше шло как в тумане. Сознание не терял, просто не понимал, что и откуда летит, но меня непременно забили бы до смерти, если бы, о чудо, не немцы. Возня в бараке была громкой, ор, дикий визг, звуки ударов, все это издавало гул, похожий на рев двигателя. Осознавать, что битие прекратилось, я начал после того, как уже смог разглядеть, с большим трудом, как в бараке машут винтовками немцы.

Сколько продолжалось кровопролитие, не представляю, но закончилось оно тем, что меня вынесли из барака. Дальше я осознал себя в каком-то более светлом помещении, а надо мной кто-то стоял.

– Так, что тут у нас? – донесся до меня голос, говоривший по-немецки, но как-то непривычно.

– Осмотрите этих детей. Назначьте лечение, если это невозможно, сообщите сразу! – Вот этот приказ, а звучало это именно как приказ, произнесли уже четко и правильно, но я распознал почти всю речь.

– Хорошо, – услышал я вдруг по-русски и затем тот же голос добавил: – Слушаюсь, господин офицер!

Глазам было больно, голова раскалывалась, ломило и болело буквально все тело, каждый сантиметр. Пытаясь разглядеть того, кто находился рядом, я напрягал зрение как мог.

– Закрой глаза, тем более это не трудно, они и так все затянуты синяками, нечего на меня глазеть. Да и самому легче станет, вон тебе как досталось.

– Вы кто... – попытался спросить я, но был прерван на полуслове.

– Спи, тебе говорят, несносный мальчишка! – прозвучал ответ, и я невольно зажмурился. Даже этот жест доставил мне новую порцию боли, и я чувствовал, как по щекам текут слезы.

Разглядеть того, кто меня сейчас трет, ворочает и делает крайне больно, не смог, как ни пытался. В голове стоял шум, тело крутило, но шевелиться я не мог, кажется, меня связали. А уже через несколько мгновений я все же вырубился, причем всерьез.

Пробуждение было жестоким и противным. Меня рвало. Отходы, уж не знаю и чего, были повсюду, от чего становилось еще страшнее. Кашляя и отплевываясь одновременно, я пытался вытереть лицо о плечо, что не увенчалось успехом, хорошо связали, даже щеку потереть о плечо не могу.

Через пару дней в положении лежа глаза понемногу начали открываться, и ко мне пришли. Немцев было двое, оба офицеры. Внимательно осмотрев меня, они перекинулись парой фраз, но тихо, я не расслышал, о чем именно, и вновь уставились на меня.

– Ты достойно сопротивлялся, – проговорил один, а врач, он тоже был тут, перевел для меня на русский, хотя я и так все понял.

Сейчас я уже осознаю, кто вокруг меня находится, все же глаза открылись и голова заработала. Выхаживал меня именно врач, наш, советский. Его приставили к лагерю для наблюдений именно за детьми, немцы явно рассчитывали на что-то с нами связанное, пока не знаю, на что именно. Врач был старым, на вид мужику лет шестьдесят, хромой, лысый, усы редкие под носом и седые. Щуплое телосложение вызывало у меня улыбку, которую приходилось давить, чтобы не вызвать нездоровую реакцию. Он был похож на мультяшного Айболита. А вот господа немецкие офицеры, пришедшие ко мне, выглядели такими бравыми вояками. Подтянутые, форма начищена и блестит серебром погон и пуговиц. Аккуратно подстриженные волосы, уложены в модные у фрицев прически, волосок к волоску. Тот, что заговорил первым, в зва-

нии вроде как обер-лейтенанта, был старше своего напарника и по званию, и по возрасту. На его левой щеке был виден довольно большой шрам, полученный, скорее всего, уже давненько. Руки у обоих в перчатках из тонкой кожи, красавцы, да и только.

– Будешь тут сопротивляться, когда тебя не кормят, а то, что все же дают, отнимают всякие уроды, – прошептал я. Врач тут же все перевел.

– Русские не подписали Женевские конвенции по военнопленным, германская армия не обязана вас кормить, тем более такое количество. Через две недели, твой доктор настаивает именно на этом сроке для тебя, тебе придется еще раз защитить свою жизнь, заодно отомстить своим обидчикам. Мы тоже не любим бандитов и всякую мразь, тебе, как и нескольким твоим друзьям, будет предоставлен шанс защитить свою честь и жизнь, конечно. Ты согласен?

– Интересно, если я откажусь, меня сразу зарежут? – как оказалось, я прошептал это вслух.

– Нет, никто не станет тебя резать, как ты говоришь, просто бросят в барак, и, думаю, на этом для тебя все закончится.

– А если буду участвовать? – заинтересовался я. Неужели отпустят?

– Твоя жизнь изменится в лучшую сторону, поверь словам немецкого офицера!

Значит, меня хотят использовать на потеху публике... Ну что ж, если против тех уродов, что хотели меня убить, я и не против. А вот если фашистам захочется большего... Как бы не влипнуть в историю. Когда меня везли сюда, в этот лагерь, я насмотрелся на всякое. Любви к немцам это никак не добавило, лишь наоборот, мне удалось своими глазами увидеть то, за что возненавидели нацизм в моей стране. Я видел, как сжигают дома и сараи, с людьми, видел, как добивают обессиленных пленных на дороге, как солдат РККА, так и простых людей. Нацизм, фашизм, все эти «религии» не имеют права на жизнь, они были рождены мертвыми. Знаете, как входит в тело здоровенный штык-нож с немецкой винтовки? Хруст, треск, хлюпанье, такие звуки выворачивают наружу, оставляя рубцы на твоих нервах. А вид капающей со штыка крови, который пробил тощее тело насквозь... Страшно и больно на это смотреть, даже читать об этом – страшно.

Офицеры ушли, даже подарок мне оставили, яблоко. Сука, еще бы орехов принесли, у меня половины зубов нет, а другая половина болят. Хорошо хоть зубы еще молочные, коренных, думаю, мало, так что вырастут новые. Я лежал и думал, чем для меня может закончиться этот фарс. Сбежать отсюда не вариант, я понятия не имею, где нахожусь, да и куда бежать? Я никого не знаю, жить негде, я – ребенок! Хотя и с мозгами взрослого мужика. Что я жрать буду?

– Они хотят выставить вас, мальчишек, драться друг с другом. Я попытаюсь затянуть твое выздоровление как смогу, но, думаю, надолго моего вранья не хватит, – внезапно заговорил доктор.

– Да плевать, Павел Константинович, что будет, то и будет. – Да, мы уже познакомились с врачом, дядька нормальный.

– А если поставят тебя против шестнадцатилетнего, тебя же убьют!

– Это еще бабушка надвое сказала, – фыркнул я. – Можно мне попробовать встать уже?

– Пока никого нет, пробуй, – кивнул доктор и ушел. Впрочем, тут же вернулся и добавил: – Если успею, предупрежу.

Я слез с кровати, точнее каких-то нар, разве что заправленных толстым ватным одеялом, и разогнулся. Да, тело болит, но нет времени, нужно начинать заниматься. Может, удастся научить это тело паре приемов? Мне не нужно вспоминать весь комплекс уровня сдачи на черный пояс, для местных реалий два-три удара, поставленных как надо, вполне хватит. Броски не нужны, нет ни сил, ни веса для их исполнения, а вот на короткие, хлесткие удары меня вполне хватит. Бить в лицо, или даже по корпусу парня старше меня лет на пять, а то и больше, смысла нет, но я и не собираюсь. Кто помешает мне в драке, а это будет именно драка со ставкой –

жизнь, ударить противника, скажем – в горло или глаз? Да и мало ли еще таких уязвимых мест на теле?

Еще два дня только и мог, что разминаться, растирая руки и ноги, делая наклоны и приседания, от которых кружилась голова. Черт, видимо, сотрясение все же получил, шатает еще немного. В конце первой недели я уже начал отжиматься от пола, тяжело, но получалось. На стене, попросив помощи у доктора, закрепил маленькую подушку и стал учить свои новые руки попадать по ней кулаком.

Две недели пролетели как один день, благодаря доктору я почти в норме и здорово смог подготовить себя к новым испытаниям. Вообще, расчет только на неожиданность для противника. Любого, даже самого короткого, но поединка я не выдержу. Точнее, мне хватит пары ударов по моей многострадальной голове, чтобы упасть и больше не вставать. Эх, мне бы пару месяцев да питание нормальное. Павел Константинович хоть и помогал, но все же возможности его были очень ограниченными. Баланда и хлеб хорошо, что три раза в день, давали возможность набраться сил, если такое можно сказать и представить. Синяки на лице почти ушли, а опухоль сошла еще раньше. Выглядел я, конечно, дерьмово, но это даже плюс, от меня не станут ждать сопротивления, а значит, смогу прожить чуть дольше.

Немцы собрались на мероприятие, наверное, целой ротой. Представление обещало стать для них интересным, но кто-кто, а я в этом сомневался и мысленно подхихикивал. Ну, ребятки, тут или меня сейчас унесут, или моего противника, но в любом случае зрелище будет недолгим.

Я немного ошибся, но это была не моя вина. Парень, которого против меня выставили, был моим ровесником. А самое обидное, что он был не «шестеркой» из барачной банды, а таким же задохликом, как я сам. На меня напал ступор, я не знал, как поступить, тупо стоял и смотрел на него, а он на меня. Немцы сначала улюлюкали, затем начали свистеть, а чуть позже уже орать. Негодующие возгласы звучали все громче, и я, подойдя к пареньку, просто шепнул ему:

– Ударь меня, я упаду, и все закончится. – Мальчишка боялся, это было видно.

Но я повторил еще раз. Выбора-то нет, драться надо, а я имел более слабый вид из-за недавних побоев и выглядел откровенно непрезентабельно. У фашистов в руках начало появляться оружие, они клацали затворами, угрожающе кричали, и мальчишка решился. Ткнул как-то неловко хлипкой ручонкой, даже не сжимая ее в кулак, куда-то в район моего уха и тут же отскочил. Делая вид, что мне больно, я схватился за ухо и согнулся пополам, играю я, как мне кажется, совсем неубедительно. Мальчишка, подгоняемый толпой, подбежал и, даже неожиданно для меня в этот раз, взмахнул ногой и, блин, попал мне в нос. Кровь хлынула мгновенно, и, упав, я начал корчиться, изображая сильную боль. А мальчуган, вот ведь попросил на свою голову, ударил еще раз, да прям мне между ног. Скрутило меня так, что дыхание сперло. А дальнейшее удивило и напугало одновременно. Я услышал, как кто-то из фрицев разговаривает совсем рядом. Прислушиваясь, а это было трудно, все же удар по гениталиям это и для ребенка удар по яйцам, смог разобрать только:

– Ты победил нечестно, так могут поступать только трусливые шакалы, как и все большевики! – И тут же раздался выстрел из пистолета, сухой, короткий и совсем негромкий.

Я вскинулся, хоть и продолжал держаться за пах, и увидел, как фриц, довольно толстый дитина, стоит над трупом паренька, а из ствола его «вальтера» вьется дымок.

Значит, все гораздо сложнее, я и сам ведь рассчитывал выигрывать в том числе и таким способом, и как же быть? А может, они поняли, что я поддался, и не понравилась жестокость мальчишки? Хрен их разберешь, этих фашистов.

– Если не встанешь через минуту, последуешь за ним! – был окрик в мою сторону.

И мне, хрипя, стиснув зубы, пришлось подниматься.

Зачем меня заставили встать, стало ясно уже через минуту. На участок вытоптанной травы, который был нам вместо ринга, выскочил еще один парень. О, этого я помнил, один из «шестерок», что уже бил меня. Фриц что-то крикнул ему, и тот бросился ко мне сломя голову. Чудом увернувшись от прямого удара, я, продолжая кусать губы от боли, попытался встать в какое-то подобие стойки. И тут же получил удар в челюсть. Вашу маман, да сколько можно?! Меня что, сюда забросили вместо боксерской груши? Парень был старше меня, лет четырнадцати. Хотя сейчас за счет худобы мы и не сильно отличались друг от друга, но все же разница была заметна невооруженным взглядом. Прошлый удар я пропустил только потому, что не смотрел тогда на противника, еще думал о боли в паху, а вот теперь я о ней забыл. Новый удар был медленным и, казалось, летел до меня целую вечность. Перенеся вес на левую ногу, я убрал голову из-под удара и сам, оказавшись левее и ниже противника, выкинул руку вперед. Удар кулаком в кадык, даже моей, детской рукой, серьезный удар. Мальчишка как будто на стену налетел. Схватившись за горло, мгновенно оказавшись на земле, он хрипел и крутился, как уж на сковородке. А мне уже хлопали и кричали, требуя добить. Слава богу, что не пришлось этого делать, мальчишка внезапно, дернувшись всем телом, обмяк. Да, я убил человека, такого же как я ребенка, пусть и полного отморозка, который убил бы меня не задумываясь, но все же это был ребенок. Мне стало плохо и пошла рвота. Вместе с кровью из носа смесь была просто убойной. Немцы с отвращением гомонили, а ко мне подскочил появившийся как чертик из табакерки врач и увел меня. Уходя под руки доктора, я только и думал, как бы фрицы не запретили мне уйти.

Все обошлось. Более того, вновь приходили те офицеры, которые были у меня ранее. Хвалили. Мне было противно и стыдно, а эти гады нахваливают. Одно слово – фашисты! Я блевал два дня, казалось, кишки выйдут через рот, а они тут хвалят, суки.

Меня никуда не вызывали и вообще не трогали целую неделю. Я вновь залечивал раны, нос очень сильно болел. Павел Константинович, как мог, вправил мне его, но одна ноздря не дышит вообще, может, просто еще опухоль не сошла, а может, и канал закрыт смещенной перегородкой. Так же здорово болело в паху, хорошо хоть там опухоль сходила, и я мог нормально стоять и сидеть, а то сразу после драки и ноги вместе свести не мог.

Интересно, сколько так смогут развлекаться фашисты? Что это за часть вообще, почему их не отправляют на фронт, охрана лагерей, что ли? Меня пугали будущие бои с кем-то из старших парней. Они с легкостью идут на различные подлости, думаю, меня тут скоро просто забьют. Да и какой бы ловкий я ни был, силы у меня нет, по сравнению даже с четырнадцатилетними.

– Сегодня после ужина опять драться будут, тебя не вызывали пока, – Павел Константинович принес хорошие вести.

– Сегодня меня бы убили одним ударом. Не знаете, кто драться будет?

– Васька Лом сегодня будет, немцы приказали ему сегодня выходить, я сам слышал.

Васька Лом, это тот самый, за старшего в бараке. Точнее, один из двух. Именно он и его «шестерки» отправили меня в больницу. Отмороженный на всю голову, надеюсь, его сегодня покалечат, может, те, кого он прессовал и избивал, получат удовлетворение.

Как же ошибался Павел Константинович... Если б я заранее знал, что будет сегодня вечером, я, наверное, повесился. Ко мне в комнату ввалились двое пьяных немцев и приказали собираться. Куда, зачем, ответили легко: на бой. Вариантов у меня не было совсем, Павел Константинович сейчас там, на битве, некому за меня словечко замолвить. Вдохнув, начал одеваться. Осень наступала, по вечерам уже довольно прохладно. Штаны на два размера больше, такие старые, что кажется, я сквозь них вижу свои ноги. Курточка убогая, неудобная, похожая

больше на пиджак от школьной формы, чем на куртку, да кепка, вот и все, что у меня было из вещей. Да и эти притащил Павел Константинович, понятия не имею, откуда. Наверное, с трупа, откуда еще здесь возьмется одежда. На ноги я надеваю драные кеды, мне выдали их, когда я согласился драться для немцев.

Мой бой был не первым, хоть это радовало. Васька ждал меня с противоположной стороны «ринга», и было видно, что сегодня и он словил от кого-то по щам. Плохо смытая кровь на лице под носом, скорее даже просто растертая рукой, левый глаз залит небольшой гематомой, да и при движении жмет правую руку к ребрам, досталось ему, досталось. Даже интересно, кто ему так навалил?

– Ну что, герой, вот мы и встретились! Думал, отсидишься у доктора, хрен тебе по всей морде. Сейчас я из тебя котлету сделаю, – хорохорится, весело ему, как же, щенка выставили, который ему на один зуб. Когда он был здоров, но не сегодня. Сегодня я надеюсь выжить.

– Давай, – кивнул я и вышел в круг.

Немцы улюлюкали, как дети, хорошо им тут воевать, развлечений просто море, отдых, а не война. Эх, на дворе октябрь скоро, холодно, наши уже почти у Москвы быются, а тут...

Размышляя, я не переставал отслеживать движения противника, а они были интересными. Парень явно занимался боксом, но сейчас далеко не в идеальной форме, да и побили его, как уже говорил.

Васька попытался сразу меня снести первым же ударом. Размах был такой, что я еле увернулся. Руки у него, под стать росту, длинные; выбросив размашисто правую, он надеялся попасть сразу и на этом закончить, но я ушел. Бегать от него идея хреновая, немцы будут недовольны, и может случиться все что угодно. Дождавшись нового замаха, вновь правой, не стал уходить назад, а поднырнул, сближаясь. Васька явно не ожидал такой наглости от щуплого малолетки и замешкался. Удар левой в его правый бок заставил парня охнуть. Точно, у него ребрам, похоже, амбец, надо продолжать. Но, мать его за ногу, не успел. Этот хрен, получив чувствительный удар, отмахнулся наотмашь и задел меня по спине. Черт, у него кулаки как кувалды, а у меня...

– Я тебя просто разорву, щенок! – взревел Васька Лом и кинулся на меня, пытаюсь схватить.

Я вновь нырнул под его правую, пропуская ее в сантиметре над головой, и ударил между ног. Реакция не заставила себя ждать. Парень завизжал, как поросенок, и опустил руки. Второй раз ошибаться я не стал, давая противнику время на то, чтобы смог прийти в себя. Снизу правой, что есть сил, бью в нос, резко отдергиваю руку назад и повторяю, целясь в глаз. Все, бровь в крови, из носа хлещет, и при этом он не отнимал рук от своего хозяйства. Еще бы по ребрам добавить, но мешает Васькина рука. Сил у меня мало, не пробить толком, только в незащищенные места. Поэтому вновь бью в нос справа, заставляя наконец парня поднять руки, но только для того, чтобы вновь их опустить. Ребра открылись моему взору на пару секунд, и я точно пробил с левой, вкладывая в удар все, что могло быть в моих тощих руках. Громкий вопль, закатившиеся глаза – и весь такой страшный Васька падает на землю. Конечно, сделать что-то подобное с ним в другое время, когда он был бы здоров, не стоило и мечтать. Парень не просто старше и выше меня, он явно когда-то и чему-то учился, хоть и плохо. Он уработал бы меня одной рукой, ну, а в этой ситуации ему не повезло.

Удивили немцы. Ваську, как прежде всех проигравших, не стали убивать. Его так же, как и меня ранее, подхватил врач с еще одним парнем и уволокли прочь. Ко мне, внимательно глядя на меня, двигался немец. Что-то в голове моей повернулось, и я испугался. А вот сейчас возьмет и расстреляет на хрен. Ведь когда я прошлый раз дрался и получил по яйцам, моего противника расстреляли.

– Ты молодец, храбрый боец! – Ого, комплимент, к чему бы это? Я тихо стоял, выравнивая дыхание, страх нагнал адреналину, нужно успокоиться. – Сегодня здесь присутствовал

один человек, важный человек, ему понравился твой бой. В тебе виден стержень, не упрямство барана, а именно стальной стержень, ты можешь быть полезен Великой Германии!

– Я же еще ребенок, – вдруг сказал я на... немецком!

– О-о! Ты говоришь на языке великих ариев? Превосходно! Произношение, конечно, ужасное, сказывается ваша отсталая школа, но это поправимо. – Немец перешел на немецкий, и я понял все, что он сказал. Видимо, постоянно слушая немецкую речь, звучащую повсюду каждый день, я немного улучшил свои знания. Только вот как бы не вышло это знание мне боком. Какую пользу я могу принести Германии? Служить в ее армии? Охренели, что ли? Но ведь не сбежишь.

– Стой тут! – был приказ, но я и не двигался с места.

К офицеру словно нехотя, с задумчивым видом подошел какой-то хрен в штатском. От него веяло властью и кровью. Как мне кажется, этот гад убьет настолько легко, словно муху на столе. Высокий, с зачесанными назад светлыми волосами, фашист подошел ко мне. Тяжелый подбородок, прямой нос с горбинкой, тонкие и узкие губы делали его лицо отталкивающим. Да еще этот колючий взгляд... Смотрит на тебя, как будто прицеливается, куда сейчас ударит или вообще выстрелит.

– Доставьте сюда пленного, – он обратился к офицеру, что разговаривал со мной только что, – из солдат. – После паузы добавил: – Штатский.

А я мгновенно сообразил, что попал!

Ко мне никто больше не подходил, даже не говорили ничего, просто стоял столбом на поляне и ждал дальнейших действий. Через несколько минут кольцо развлекающихся солдат разомкнулось, и на поляне передо мной оказался красноармеец. Мужчина был здорово избит, лицо все в запекшейся крови и синяках, даже черты лица не разглядишь. Форма порвана и свисает клочками, видно, что мучили его не один день. В обрывках формы мелькнула петлица, вроде пустая, но, может, знаки различия просто сорваны? Да, странно, что еще живой, зачем мучить, лучше бы сразу стреляли. Жаль мужика, но, кажется, сейчас мне нужно думать о себе, ему уже ничем не помочь.

– Убей этого большевика! – мне откуда-то сбоку протянули нож.

Здоровенный такой тесак подали рукоятью вперед, а я поднял глаза, чтобы разглядеть того, кто его принес. Рука, державшая нож, была затянута в перчатку из тонкой и красивой кожи, а принадлежала рука тому самому, в штатском.

Красноармейца подтолкнули в спину, и он, сделав шаг, припал на одно колено, ноги не держат, да, серьезно дядьке досталось, а уж что впереди...

– Давай, маленький ублюдок, покажи своим хозяевам, как резать безоружных пленных! – выплюнул в мою сторону пленный.

У меня дрожь пробежала по всему телу. Не зная, что делать, я стоял в нерешительности, взять нож в руки я не мог. Каким хозяевам, что он говорит?

– Я не могу, – просипел я, голос предательски дрогнул.

– Говори на немецком языке, ты же можешь! – донесся приказ. Именно приказ, другого толкования таких интонаций не бывает.

– Я не могу, он мне ничего не сделал, – гораздо тверже произнес я. Плевать, скорее всего, мы тут сейчас вместе с этим рядовым, или кто он там, ляжем рядышком. Но тут случилось нечто. Внезапно рука с ножом убралась от меня; продолжая смотреть в землю, я не заметил, что происходило рядом, а стояло.

– Тогда ты убей его!

Услышав это, я подумал, что немцы привлекли для этого дела кого-то еще, но ошибся.

– С превеликим удовольствием! – услышал я.

Резкая боль в районе щеки, такая, что прямо завыл как волк. Вскинув руки к лицу, обнаружил, что они все красные от крови, которая течет просто ручьем. Крик отчаяния, боли и

страха заставил тело действовать. Отпрыгнув назад, наверное, сразу метра на два, я поднял глаза. Правый почти не видел, я заляпал его кровью, да и чувствую, как набухает щека. Передо мной, вновь на двух ногах, хоть и сгорбленный, но довольно твердо стоял красноармеец. В его левой руке блестел тот самый немецкий нож, только теперь с него стекала кровь. Моя кровь. Ситуация вводила меня в ступор, но мозг отчаянно кричал: «Беги!» Блеск лезвия, пролетевшего очень близко, вернул меня на землю.

– Что, сучонок, страшно? – выдавил из себя солдат-красноармеец.

– Какой же вы советский солдат, если убиваете своих, да еще и детей!

– Да плевать я хотел на тебя и таких, как вы! Убью тебя, меня отпустят! – прокричал солдат. – За кого воевать, за таких, как ты? Вы, москали, никогда не станете нам своими!

Оба-на, где-то я такое слышал, но не в этом времени. Все это хорошо, но что делать-то? Хоть и не совсем здоровый, но все же взрослый мужик, с тесаком, хочет меня, пацана совсем, реально убить!

– Тебе давали шанс, ты отказался, теперь шанс у него! – услышал я со стороны немцев.

– Если бы знал сразу, что это западенская гнида, окопавшаяся в рядах советской армии, убил бы сразу, таких шлюх и надо резать. – Блин, мальчик не может так говорить, рискую. Но, блин, эта сволочь меня разозлила. Лицо жгло, чувство того, что мне чуть голову не отрезали, заставляло сердце биться в бешеном темпе. Немцы, гады, подзадоривают, но не солдата, а меня. Ну ладно, попробуем и против взрослого мужика выступить, иначе, как я понял, меня отсюда просто унесут.

В очередной раз проведя рукой по лицу и стерев мешающую глазам кровь, я едва вновь не напоролся на тесак. В этот раз горе-солдат решил меня насадить на него, сделав выпад словно шпагой. Ну держи тогда!

– О-о-ох! – выдохнул предатель, ну, а кто он еще, но не выронил нож.

Я воспользовался его выпадом и поднырнул под руку. Кровь постоянно заливала лицо, стекая густой струйкой по подбородку и капая мне на грудь. Не рискуя бить мужика, вдруг не хватит сил, я со всей силы схватил его за причиндалы. Противно, бр-р-р... Но в этом один из немногих шансов выжить. Мужик сдавленно ойкнул, и руки у него ослабли, стремясь к поврежденному месту. Я же только и ждал этого. Нож-то мужик не бросил, он у него в ладони, а ладонь, направленная моими руками, устремилась к нему же в область паха. Солдат даже не понял, как сам себе вогнал нож между ног, я лишь помог слегка. Конечно, он немного успел притормозить, и пришлось вложить всю силу, чтобы нож вошел поглубже, хорошо, что все же удалось.

– О-о-ох. – Стон повторился, а ему на смену пришел рев.

Моей целью было не отстраниться в данный момент, а захватить нож. Пленный уже выдернул его из себя и бросил, пытаюсь зажать рану между ног, все-таки неглубоко засунул. Я ничего не видел вокруг себя, весь был сконцентрирован на предмете для убийства, лежавшем под ногами. Схватив нож и почувствовав его тяжесть, принял в себя какой-то невероятный заряд энергии и сил. Почти не выпрямляясь, снизу-вверх вогнал нож солдату в брюхо. Сил, конечно, не хватило на полноценный удар, нож вошел только до половины, да и то за счет остроты и собственной тяжести. Мужик орал и блажил, а я хотел выдернуть нож, но, размахивая руками, солдат сильно ударил меня в плечо, и я отлетел в сторону.

– Достаточно! – услышал я внезапно, когда пытался подняться и одновременно растереть ушибленное плечо.

Звонко хлопнул выстрел, заставив меня вздрогнуть, а раненый солдат упал навзничь. Я присел на корточки и ждал второго выстрела, но его не последовало.

– Вставай, – вместо этого услышал я. Поглядев исподлобья, кровь почти не давала возможности нормально смотреть, я увидел немца в штатском.

– Ты любишь свою Родину?

Ну и вопрос! И как на него ответить, чтобы не завалили прямо здесь?

– А вы? – по-немецки брякнул я и вновь, в который уже раз, размазал кровь по лицу.

– У тебя есть возможность уничтожить врагов своей Родины, ты же видел, кем на самом деле являются ваши солдаты!

– Враги моей Родины те, кто уничтожает ее население, – по-взрослому ответил я.

– Да, ты считаешь врагами нас, но мы несем вам освобождение от рабских оков большевизма, конечно, при этом гибнут невинные, такова война, ничего не поделаешь, дружок. Когда подрастешь, ты сам все поймешь. Так что скажешь, будешь бороться за великую Россию в рядах нашего славного вермахта?

– Как вы себе это представляете? Убивать женщин и детей? Жечь дома со стариками? Нет, не стану, можете пристрелить, – фыркнул я, не понимая расположенности немца. – Да и хватает у вас такого отребья.

– Ты прав, для этого у нас хватает материала, – хитро улыбнулся немец и продолжил: – Ты только что видел сам, что не все бывшие граждане страны Советов любят эту самую страну. У нас есть и другие направления, в которых ты сможешь быть полезным своей новой стране.

– Я вас не понимаю, – покачал я головой. Нет, разум мне подсказывал, конечно, чего от меня хотят, но я в это не верил. Хотелось жить, я только недавно получил новый шанс, молодое тело, и что, теперь просто сдохнуть? Не хочу умирать, да простят меня все, кто об этом будет знать.

– Поймешь, если не дурак, – фыркнул немец беззлобно.

Начало сентября тысяча девятьсот сорок второго года, где-то в развалинах Сталинграда

– Ты погляди, Петро, совсем у немчуры с солдатами беда, мальчишек уже на фронт забирают! – два чумазых, заросших многодневной щетиной солдата разглядывали в узкую щель импровизированного укрытия ползущего в их сторону мальчишку.

Мальчишка хоть и был одет в какое-то рваньё, но с автоматом в руках походил на диверсанта, если бы не одно «но». Это действительно был мальчишка, лет двенадцати-четырнадцати, заподозрить его в службе на врага сложно. Лицо пацана, испачканное сажей и грязью, но даже сквозь нее заметно, что очень молодое, портил большой шрам через всю щеку до самого уха. Солдаты разглядели это даже на расстоянии. Из-за этого шрама он казался старше и страшнее.

– И куда он? Срезать? – второй, которого называли Петром, медленно повел стволом винтовки в направлении ползущего пацана.

– Погодь, посмотрим, куда он, надо взять его да расспросить как следует, – боец отложил свою винтовку и так же ползком направился наперерез мальчишке. Не успел проползти и пары метров, как его товарищ окликнул его:

– Там еще, смотри скорее!

И правда, за первым мальчишкой показались еще двое. Все трое вооружены, и это уже не случайные прохожие или беженцы, укрывавшиеся до сей поры где-то в развалинах города. Эта троица явно здесь не просто так. Два бойца, обнаружившие ползущих в их сторону незнакомцев, старательно наблюдали за ними. А события в развалинах тем временем приобрели интересное продолжение. Достигнув стены ближайшего разрушенного дома, тот, что полз первым, неожиданно напал на своих товарищей. Такого бойца даже в кино не видели. Трое мальчуганов сошлись в рукопашной, казалось бы, обычное дело, кто в детстве сам не дрался. Но не в этот раз. Это было больше похоже на избиение. Парень со шрамом на лице ударил автоматом одного, мгновенно выхватил нож и, махнув им так быстро, что было практически незаметно, уложил на землю обоих своих товарищей, ну или кем они ему проходились, черт его знает.

– Ты такое видел когда-нибудь? – у бывалых вояк волосы стояли дыбом. – Ребенок же, а убил двоих, даже не поморщившись, это как?

– Надо брать, – сглотнув вязкую слюну, давно хотелось пить, прошептал в ответ второй боец. – Чую, неспроста он тут появился...

Здесь, в Сталинграде, укрыться в развалинах было несложно, особенно в вечерних сумерках. Останки домов, редкие деревья, ограды заборов и палисадников, все это создавало огромные, труднопроходимые завалы. Солдаты двух армий, словно кроты или крысы, метались по этим развалинам в поисках возможности убить друг друга. Одни рвались к Волге, вторые всеми силами старались не допустить этого. Бои шли очень тяжелые. Проспект, улица, площадь – все было перемешано между собой, порой вообще угадывалось случайно, где и что находилось всего месяц-два назад. Весь город представлял собой огромный полигон, развалины, кучи строительного и прочего мусора, километры траншей и оврагов, пустынные участки, где еще недавно стояли десятки деревянных домов. И все это в каком-то страшном сером цвете, все вокруг – небо, земля, остатки строений, даже Волга – издали казалось одного цвета. Апокалипсис.

– А ну вставай! – приказ откуда-то слева прогремел внезапно.

Мальчик медленно отбросил автомат в сторону, огляделся и начал подниматься.

– Не стреляйте, у меня важные сведения для командиров Красной армии. Отведите меня в особый отдел, – попросил мальчик, до сих пор толком не понимавший, откуда его видят и кто вообще приказывает. Надо заметить, его это немного нервировало.

– Молчать, без тебя разберутся, куда и к кому отвести. Оружие кидай с себя, нож не забудь!

– Ну, чего у тебя, Степан, взял? – раздался второй голос.

– Да, Петрух, вяжи его, как подойдет ближе, а там посмотрим, что за фрукт. Немец или нет, непонятно. Слышал, как по-нашему чешет, лучше нас с тобой! Только осторожно давай, видел, как он ножичком машет? Блатной, наверное.

Мальчишкой, перешедшим условную линию фронта в развалинах города, был я, Захар Горчак. И я не собирался махать ножом. Меня негрубо обыскали, отобрали все, что было с собой в карманах, а вещмешок и подавно, и связали руки. Блин, как-то даже улыбнуться захотелось. То ли солдат подкупил мой возраст, то ли они так в себе уверены, но узел, которым мне стянули руки, причем не за спиной, а впереди, я мог развязать в минуту. Торопились, понятно.

Вели меня недолго, но такими катакомбами, что приходилось удивленно и задумчиво хмыкать. Я видел по ту сторону фронта укрепления и блиндажи, но тут... Кажется, километрами траншей и различных нор изрыт весь город. Мы вползли в одну траншею, по ней вошли под остов двухэтажного дома и вышли с другой стороны. То есть ходы были прорыты прямо под домами, использовались как готовые подвалы, так и строились новые проходы. Горняки-шахтеры тут, что ли, постарались?

– Это что за чудо чудное? – меня представили пред светлы очи грузного человека, по форме было понятно, что это офицер, удивлял только его размер. Мужчина был не толст, но очень упитан. При его не самом высоком росте он был похож на комод. Такие люди обычно невероятно стойкие к боли, а также очень своенравны.

– Вот, товарищ капитан, задержали при переходе возле площади. Полз к нам, вооружен, – отпартовал тот, кто меня «взял». – Перед тем как мы его задержали, убил сразу двоих таких же, как он, мальчишек. Ножом убил, вы бы видели этот спектакль!

– Рядовой спецкоманды «Восток», в подчинении семьдесят первой пехотной дивизии, шестой армии вермахта, Захар Горчак, – отозвался я и увидел на лице капитана неподдельное удивление.

– Наш, значит? Сучонок. Расстрелять.

Приказ меня ошарашил. Идя сюда, я рассчитывал именно на плен, если так можно сказать о возвращении к своим. Думал, увидят, что молодой, не станут убивать. Да и дурь это,

убивать сдавшегося, из него же можно вытянуть полезную информацию, на это я и надеялся, а тут...

– У меня есть сведения о позициях и силах вермахта, я много чего знаю, не смотрите на возраст. Информация точная и свежая. Прошу отвести в особый отдел, товарищ капитан, вам это больше нужно, чем мне...

Хлясь, мне по роже прилетел удар. Блин, какой жестокий офицер, мальчишку и по лицу. Ну, а чего я ждал, дурень? Задумал поучить жизни этих мужиков, которые тут, в этих развалинах стоят насмерть? Идиота кусок!

Да, мечтал об этой встрече я целый год. Не о такой конкретно, но о том, как вернуться к своим. Да, я считаю себя именно своим, советским, а не шпионом вермахта. Когда вспоминаю прошедший год, меня даже потряхивает от того, через что я прошел. Тогда, в октябре сорок первого, в лагере для военнопленных, после поединка, из которого я вышел победителем, меня подлатали немного и увезли далеко на запад. Попал я в спецкоманду, которую называли «Восток», а мое подразделение – «Киндер». По численности команда насчитывала сто человек, и все как один мальчишки, не старше пятнадцати лет. С первого же дня нас начали гонять так, как будто готовили спецназ, хотя в какой-то степени мы им и являлись, хоть и были детьми. Ну, что такое десять-одиннадцать лет, возраст воина? Но дело было тоньше. Немцы набирали в команды, а я уверен, что таких как мы явно больше, чем одна команда, лояльных режиму парней, готовых убивать. Мальчишкам сулили всякие блага, настраивая их против страны Советов, и они соглашались. Как же я согласился? Ну, во-первых, хотелось жить, а во-вторых... А во-вторых, я просто решил для себя, что если заставят вновь убивать кого-то из пленных солдат Красной армии, то не стану этого делать. С той гнидой, что мне чуть голову не отрезал, повезло. Если бы он не показал свое истинное лицо бандеровца, или кем он там являлся, я не смог бы убить его. Но вышло все удачно. Вот и решил для себя, что буду учиться у немцев, пока не заставят вновь доказать лояльность. И надо же так случиться, что выходным экзаменом у нас был, как его называли немцы, «Бой гладиаторов», а не банальное убийство пленных. Нас всех тупо заставили рубиться против друг друга. Оставшиеся на ногах, когда закончится время, прошли испытание. Я был в их числе, причем меня боялись в команде почти все. Дело в том, что обучение немцев удачно легло на мои знания спортсмена из будущего, поэтому я очень хорошо умел драться. Год назад, когда только появился здесь, кроме как этих самых знаний у меня и не было ничего, тело-то неродное, а тут подготовка с инструктором, самообучение принесли плоды. Немцы, спасибо им за это, помогли мне подготовить новое тело, а уж отработать технику я смог и сам. Вопросы, конечно, регулярно появлялись у инструкторов, они же видели, что я умею явно больше, чем то, чему меня обучают, но всякий раз удавалось отбрехаться, ссылаясь на отца. Так и говорил, что меня учил отец, немцы лишь кивали и хвалили. Очень повезло с обучением ножевому бою, на мой рукопашный и прежние знания немецкий вариант боя лег изумительно, не покривлю душой, если скажу, что смогу уложить двух взрослых мужиков с такими же ножами. Рост немного маловат пока, но это дело наживное, да и не много тут на самом деле высоких, особенно в нашей армии. Средний рост где-то метр шестьдесят пять, может чуть выше, а у меня в неполные двенадцать метр пятьдесят шесть. Пацаном я выгляжу скорее из-за телосложения, все же у взрослого масса-то поболее будет.

Год в спецкоманде прошел довольно быстро, хоть и был очень тяжелым. Спать больше четырех часов я стал только по убытию на фронт. Пока добирались сюда, почти две недели ехали, воспользовался временем в эшелоне для того, чтобы наверстать упущенное и тупо выспаться.

Как и говорил, обучение было тяжелым, синяки не успевали сходить, разбитые губы и нос почти не заживали. Немцы ставили нам упор в обучении на рукопашку, ближний бой.

Для диверсантов, в которые нас готовили, это действительно нужно. Нас обучали десяткам разных способов тихого убийства себе подобных, от палки и веревки до ножа и голых рук. Спарринги проходили ежедневно, по мнению инструкторов так учеба лучше усваивается. А то, что регулярно из строя выпадали люди, немцев не волновало. Из тех парней первого набора в конце осталось чуть больше половины, остальные пополняли команду в разное время.

Преподавали нам захваты штабов, мостов, складов и всего прочего, стратегически выгодного на войне. Учили ездить на машинах и мотоциклах, плавать, нырять, работать со взрывчаткой и любыми видами стрелкового оружия. Даже миномет изучали, причем серьезно, с ротной пукалкой могу справиться в одиночку. Пушки и противотанковые орудия не изучали, ибо незачем, как и танки с самолетами. Хотя я бы не против был освоить, скажем, «лаптежника», да и «мессер» штука интересная. Всей техникой, без исключения, пользоваться было тяжело, все же возраст еще неподходящий. Особенно трудно было с бронетранспортером. «Ганомат» очень тяжел в управлении, особенно нам, ведь мы были фактически детьми. Освоить-то его я освоил, но наравне со взрослыми ездить не смогу.

Со стрельбой тоже было все не так гладко, как хотелось бы. После пробных стрельб инструкторы остановились на МП-40, у него была самая слабая отдача и более или менее легкий спуск. Винтовки были неудобны как по весу, так и по размеру. Шутка ли, многим мальчишкам немецкую винтовку было не удержать. Во время прицеливания, а ведь надо еще и стрелять, причем точно стрелять, винтовку постоянно клонило вперед и вниз. А вот пистолет-пулемет освоили все, так же, как и простой пистолет «люгер».

Но все же упор делался на взрывное дело. Проникнуть, иногда открыто, пользуясь нашим возрастом и происхождением, на нужный объект и заминировать его. Моим первым заданием, с которым я и вышел сюда, было наблюдение, а по возможности, минирование важных объектов. Список объектов фрицы дали самый полный. В первую очередь, это штаб воинской части, на том участке, где мы перешли линию, Чуйкова, кстати, штаб-то. С собой у каждого из членов команды было три килограмма взрывчатки, хватит с лихвой. Внедрение к врагу, имелось в виду в ряды солдат Красной армии, особенно поощрялось. Мы были способны вести агитацию, стараться убедить советских солдат в бессмысленности сопротивления. Этим с нами, мальчишками, занимались особо.

И вот я у своих вроде бы, но меня хотят тупо расстрелять. Как быть? Надо включать навыки, вдолбленные немцами, и пытаться разговорить командира, будет это тяжело, мужик серьезный попался.

– Зачем вы так? Я же не упираюсь, все расскажу, для этого и шел. Вы ничего обо мне не знаете, а сразу решили в расход... – потер я щеку. Удар хоть и был не во всю силу, но все же это удар взрослого мужика.

– Наши дети шли на смерть против врага, а ты продался! Не о чем с тобой разговоры вести, справимся и без твоих важных сведений.

Какой же упертый командир попался, жаль, но что поделаешь теперь. Имея возможность извлечь выгоду для своего подразделения, он пресекает все попытки получить от меня сведения. Злоба его в общем-то понятна, сколько таких детей, как я, погибло и в лагерях гниет, а я тут на немцев пашу.

– Что здесь происходит? – довольно властный голос прервал гневную речь капитана, заодно дав мне надежду.

Все же в своем подразделении даже ефрейтор является начальником, а уж целый капитан тем более. Он хотел и мог сделать со мной все, что захочет, а при появлении старшего по званию власть капитан терял.

– Да вон, змееныша поймали. Немцам служит, наш вроде, – брякнул капитан.

– Я не служу немцам, а числюсь в спецкоманде, это разные вещи. Как только получил шанс, воспользовался и бежал, – покачал я головой. Блин, дадут ли мне высказаться, столько всего в голове держу, что лопнет скоро.

– Нестеров, почему не доложил, опять хотел «языка» расстрелять? А ну, дай мне бойца, я забираю этого пленного!

Вот, может, все же что-то выгорит...

Через полчаса меня развязали наконец и посадили на табурет. Как он сохранился тут, в городе, удивительное дело. Находился я, судя по всему, на небольшом командном пункте где-то среди развалин города. Из того, что видел и слышал у немцев, командование Красной армии располагается на берегу Волги, в различных пещерах и штольнях, а тут мы явно были где-то в паре кварталов от передовой. Передо мной сейчас находились сразу три командира, один из них был явно представителем НКВД, знаки различия соответствуют, кстати, именно он меня и увел из-под расстрела. Этот военный был ужасно усталого вида, будучи когда-то жгучим брюнетом, сейчас блестел серебром на голове. Сильный и крепкий, возможно, спортсмен бывший, он вызывал уважение своим внешним видом, в первую очередь опрятностью этого самого вида. На остальных, кого удалось видеть уже тут, форма вся выгоревшая, побелевшая от пота и солнца, а у особиста, буду звать его так, хоть и старая, но видно, что за ней следят. Педант, не иначе, а может, просто запасную недавно надел, кто его знает.

Внезапно появившись в том подразделении, которое меня поймало, офицер потребовал сопроводить меня к нему в блиндаж. По пути я не пытался разговаривать, информации нет, но я слишком давно к этому шел, чтобы сейчас лихорадочно обдумывать свое поведение.

– Итак, кто ты, зачем шел в расположение наших войск, как вообще в таком возрасте оказался у врага? Рассказывай всё, – спокойно потребовали у меня.

– Захар Горчак, – решил я начать с самого начала, так будет правильнее, – проживал с родителями в Кобрине. Мне почти двенадцать, я не маленький. К немцам попал в начале войны. На второй день войны потерял отца, во время бомбежки города. Когда пришли немцы, сбежали с мамой в лес, она убила одного, пришедшего к нам в дом грабить. Он хотел изнасиловать маму, я его ударил и сам получил по голове. Мама успела воспользоваться моментом и свернула ему шею ухватом. Ночью убежали, встретили в лесу четверых наших бойцов, что выходили к своим. По пути на восток навались на войска. Я успел убежать, мама вовремя крикнула, чтоб бежал, остальных положили. Мама погибла... – я шмыгнул носом, вспоминал я эти моменты часто, хотя и не был, можно сказать, родным для мамы, все же я попаданец.

– Это не объясняет того, как ты стал служить врагу, – терпеливо, спокойно спросил особист.

– Меня поймали, у немцев были собаки, убежать не получилось. Я бы не назвал свои действия службой врагу. Обучением у врага да, но это только в плюс. Убивать меня немцы тогда не стали, отправили в лагерь.

– Что, вместе с нашими пленными? Тебя, пацана? – удивился еще один командир, лейтенант вроде. Молодой парень совсем, лет двадцати на вид, соломенные волосы и светлые глаза не внушали страха от слова совсем. Такой скорее всего только прибыл на фронт, бравада, удаль и презрение к смерти, скоро это пройдет или закончится вместе с жизнью.

– Нет, там только такие, как я, вернее, были и младше, и старше. Самому взрослому шестнадцать, сколько было маленьким мальчишкам, не знаю. А мальчишкой я перестал быть двадцать третьего июня, а уж в плену и вовсе забыл, каково это, быть ребенком. В бараке почти не кормили, все отбирали старшие. Когда терпеть голод не было сил, мне удалось дать отпор и отстоять пайку. Били толпой, человек шесть, и непременно убили бы, но вступились немцы. Сначала удивился, думал, повезло, на нормальных людей попал, но это было не так.

Командиры курили как три паровоза, в землянке дышать нечем. Видя, что я прервался и набираю воздуха, особист приоткрыл полог, которым был завешен вход, и стало чуть легче.

– Продолжай.

– Немцы устраивали нам поединки...

– В каком смысле? – все трое удивленно округлили глаза. Что, не слышали еще о таком?

– В самом прямом. Не станешь драться, пристрелят или забьют до смерти, причем свои же, те, кто согласился служить врагу.

– С кем драться?

– Между собой. Точнее, тебя выводят в круг, против тебя ставят кого-то еще из барака, сами пьют и развлекаются. В первом же бою, отказавшись драться, я был сильно побит, но немцы решили, что победивший меня мальчишка сделал это нечестно.

– Каким образом?

– Ударил меня между ног, а потом лежащему сломал нос ногой. Пацана немцы застрелили, а мне приказали встать, дали минуту. Если бы не встал, застрелили бы. Как узнал чуть позже, им понравилось мое упрямство и меня решили сломать.

– Встал? – командиры Красной армии слушали меня так, словно я им сказку читал, интерес на лице неподдельный, даже азарт какой-то.

– Встать-то встал, но только для того, чтобы вновь получить в лицо. Они выставили против меня еще одного парня, этот был старше, лет четырнадцати. Он был из тех «шестерок», что били меня в бараке. Гнида, к нему у меня было только отвращение, не больше. Пропустив один удар, увернулся от второго и ударил сам. Попал нехорошо, в горло, парень был выше меня, так и получилось. Он умер почти сразу.

– Ты убил нашего, советского человека? В десятилетнем возрасте? Да еще так спокойно об этом говоришь? – в голосе особиста звучало скорее удивление, чем осуждение, но я решил, давно для себя все решил, что говорить буду только правду, может, не всю, но правду.

– Так вышло. Я не оправдываюсь, но тот парень обязательно бы убил меня. Там все выжидали, и эти, собравшиеся в банду, были готовы на всё.

– Что дальше было?

– Через какое-то время (я был в лагерном госпитале, там наш врач служил, лечил нас, мальчишек) мне сообщили о новом поединке. Выдернули внезапно, а уж когда увидел, против кого... Это был предводитель лагерной шайки, шестнадцатилетний парень. Он уже с кем-то дрался и ему досталось немного. Этот мог убить меня свободно, если бы был полностью здоров. Я воспользовался его травмами и бил в одно место. Удалось свалить его, но немцы его не добились, унесли в госпиталь.

– Как же ты смог одолеть такого, это ж почти взрослый мужик? – сомнение в голосе, не верят, конечно, да и трудно в это поверить.

– Меня с детства отец учил защищать себя. Я хорошо знаю, куда и как бить. А теперь и подавно, – добавил я. – Видя, что противник прижимает руку к ребрам, стал уклоняться от его ударов и бить по этим самым ребрам.

– А кто у тебя отец был?

Черт, тут меня поймать могут, мама почти ничего не успела рассказать об отце, только то, что он милиционером был. Тогда, на складах он занимался тем, что присматривал за распределением продуктов, как бы не поперли.

– Милиционером.

– Ага, как ты сказал, твоя фамилия?

Вот сейчас и пошлют запрос...

– Горчак. Отца Александром звали.

– Минуту, товарищи, отправлю запрос, чтобы время не терять.

Я сидел, командиры смотрели на меня, но ничего пока не спрашивали. Особиста не было минут десять, а когда вернулся, на удивление, дал мне воды из фляжки.

– Где тебе так лицо изуродовали? – Вот, сейчас будет самое главное в рассказе. Утаивать, что убил красноармейца, я не собирался, – старлей, сидевший напротив, не сводил взгляда с моего лица, было видно, что ему неприятен мой вид, а кому приятно смотреть на изуродованного человека, тем более ребенка? – Сколько ты уже воюешь против Родины? – Блин, начинается.

– С чего начать, с лица или с того, как на фронт привезли? – уточняю.

– Ты на чем закончил, на драках своих? Вот и продолжай.

– После того, как уронил того хмыря, бандита, немцы решили меня проверить по полной программе. Привели избитого красноармейца и дали нож...

– Ты подумай, вот же суки конченные! – воскликнул один из командиров, тот самый старлей, что смотрел постоянно на лицо. – Пацана заставлять убивать своих же!

– Я отказался, сказал, что не могу. Тогда нож отдали пленному, и тот мне чуть голову не отрезал.

– Чего? Красноармеец? Пацана ножом? Парень, ты чего несешь? – вновь недоверчиво воскликнул молодой лейтенант.

– Перед тем как меня добить, я тоже его спросил, знаете, что он ответил?

– Ты сейчас тут наговоришь...

– Что я сука москальская, за таких, как я, он воевать не собирался, вот и сдался. Немцы пообещали ему свободу, если убьет меня. Он даже на секунду не задумался, сразу рванул ко мне. Он был с Западной Украины, только там я слышал такой говор.

– И как же ты выжил?

– Я его убил. – Тишина. Командиры смотрят, взгляд не отводят, а меня давно приучили смотреть в глаза. Видимо, что-то такое в моем взгляде было, что все трое одновременно отвели глаза в сторону. – Да, я убил его, смог отвлечь, заставил выронить нож и ранил им же в живот. Немцы не стали требовать добить, застрелили сами.

– Знаешь, все это, конечно, попахивает сказкой... – начал было особист, но третий из командиров, вновь тот самый, старший лейтенант, вдруг подал голос.

– Товарищ батальонный комиссар... Егор Степанович, я слышал о таком, от пленных, после Барвенково. Правда, не о детях. Там были разговоры о наших солдатах, что попали в плен. Им немцы устраивали какие-то гладиаторские бои, как в Древнем Риме, здесь что-то похожее. Смущает только возраст, неужели и с детьми поступали так же? Ребята рассказывали, что немцы в лагерях таким способом отбирают самых сильных и выносливых, но тут... – он чуть замешкался, – дети...

– Вы же понимаете, товарищ старший лейтенант, что все это требует проверки, и она будет. Парень, если ты шел к нам в надежде рассказать сказку, думая, что ее невозможно проверить, то ты ошибся. Свидетелей первых дней войны, людей, кто прошел лагеря и смог вернуться, много, сведения у нас есть. Сколько займет времени такая проверка, понятия не имею, но выясним все, что можем.

– Бить будете? – хмуро спросил я.

– Ты чего, ошалел, что ли? Это тебе немцы такое рассказали? – вскинулся особист. Если честно, то я как раз мысленно себя готовил именно к тому, что будут жестко колоть. – Во-первых, даже если бы тебя взяли во время боя, видели бы, что ты убивал наших солдат, просто пристрелили бы. А во-вторых, я что, сука какая, детей бить? Даже если ты ничего говорить не станешь, просто увезут на зону, малолетних преступников, к сожалению, у нас хватает.

– Спасибо, – вполне серьезно проговорил я. – Немцы во время обучения постоянно твердили, что стоит нам попасть к Советам, нас будут пытать, кожу заживо сдирать и так далее... Понятно, что пугали, но мало ли?

- Что за обучение, ты был не один? И где был-то?
- После того случая с пленным я был сильно избит, щеку разрезал мне этот предатель глубоко...
- А сам-то не предатель? – хмыкнул молодой лейтенант.
- А кого и что я предал? Немцев? Так только этого и ждал, вообще-то. Присягу я никому не давал, ввиду возраста, надеюсь, понимаете? Родину я не выбирал, где родился, за ту и буду умирать, – при этом взгляд мой стал таким, что этот лейтенантик мгновенно отвернулся.
- Расскажи об обучении, – прервал меня особист. Конкретный дядька, хочет все по полочкам, по порядку. Нравится мне такой подход, сам люблю, когда все по порядку.
- Пару недель провел в госпитале, при лагере. Хотя какой нафиг госпиталь... Просто отдельный домишко, рядом с основными бараками. Там жил и лечил таких, как я, врач Павел Константинович.
- Кто он такой, ты не узнал у него?
- Обычный сельский фельдшер, как он мне рассказывал. Жил где-то под Брестом, лечил людей, старый человек. Немцы пришли, арестовали, так как врач в лагерь все же необходим, приказали жить и работать с пленными детьми. Работал он только за еду, ничего немцы ему не платили, да и не стали бы никогда это делать. Дядька хороший был, добрый, детей очень любил, переживал за нас, но сделать чего-то больше не мог. Лекарств немцы ему не давали, так, тряпок дадут на перевязки, ну йод еще, больше и не видел ничего. Не знаю, что с ним случилось, меня увезли. Несколько раз в пути пересаживали с эшелона в эшелон, пока не выгрузили на какой-то неприметной станции. Вокруг был лес, только нитка железной дороги да несколько домишек вокруг, больше ничего. Долго вели пешком.
- Одного?
- Да нет, нас там целый вагон был, забыл уточнить.
- Опять одни дети?
- Да, некоторых видел в лагере, кого-то впервые. Правда, в этот раз старше двенадцати лет не было никого. А вот младшие присутствовали.
- Младшие это сколько?
- Позже узнал, самому младшему мальчишке только-только семь исполнилось. В таком возрасте очень легко повлиять на психику и склонить на свою сторону.
- Бл...ство! – не сдержался старший лейтенант. Мужик он в возрасте, явно у самого дети были. Выругавшись, старлей встал и вышел из землянки.
- Есть хочешь? – вдруг спросил особист.
- А можно? – уточнил я.
- Ну, а чего тебя голодом теперь морить? Думаю, не удивишь тебя голодом-то?
- Могу три дня не есть вообще, немцы... – я поморщился, вспоминая прошедший год, – заставили научиться и такому. Но, конечно, чувствовать себя при этом буду плохо.
- Сейчас принесут. Алехин, пойдем на воздух, подышим, – особист пропустил вперед лейтенанта и, остановившись, произнес: – У старшего лейтенанта семья в Могилеве осталась, тоже мальчишки были, восьми и десяти годов...

Командиры вышли, я остался сидеть и ждать кормежку. Вообще, если забыть первого командира, к которому я попал, отношение даже радовало. Я ведь помню, как у нас в будущем любили лить помой на представителей особых отделов, да и на командиров вообще. На деле же я видел перед собой обычных людей. Да, военных, но они явно такими были не всегда. У них когда-то были свои семьи, работа, другая жизнь. Немцы хорошо обучали психологии, за год нахождения в спецгруппе нам дали много знаний. Как «прочитать» человека по манере говорить, одеваться, двигаться, найти слабые стороны, это часть того, что я усвоил. Старлей, как я и думал, скорее всего потерял семью. В Могилеве было жарко, в плен они попали или

погибли, не важно, страшно другое – мысли о том, что больше он их не увидит. Я видел, как он кусает губы во время моего рассказа, нервничает, курит одну за другой папиросы и даже сидит, постоянно ерзая. Ни к черту у него нервишки, многое пережил, это видно. Особист этот, скорее всего, милиционер в прошлом. Видно по манере вести допрос, по тому, как реагирует на острые моменты, это привычка. Человек явно имеет опыт, выдержку и, в отличие от старлея, крепкие нервы. А третий командир, тот молодой лейтенант, скорее всего какой-нибудь бывший студент, бросивший обучение и окончивший недавно курсы. Горяч, в выражениях не стесняется, думает мало, точнее, не думает, перед тем как что-то сказать. На эмоциях весь, интересно, в какой должности он служит? Старлей, скорее всего, командир роты, вряд ли взвода, я слышал от немцев, что тут у наших и батальонами лейтенанты командуют, убить страшная, офицеров не хватает, да и где сейчас эти батальоны полного комплекта взять? У немцев ведь так же, думаете, списочный состав, как по уставу? Я вас умоляю. Роты по шестьдесят человек, редко, когда больше, командуют и ротами, и батальонами такие же лейтенанты, как и в Красной армии. За два-три дня боев от полка остается максимум половина состава, война-то какая идет! Другое дело, что у немцев пока в технике перевес ощутимый, вот и жарят наших, да и то уже без особой эффективности. Да еще немецкие офицеры любят требовать положенное. Проведет рота или батальон атаку, и тут же командир рапортует выше, требуя отвести его подразделение на укомплектование, дескать, выполнение заданий таким составом не гарантируем, и ведь немецкое командование идет им навстречу и выводит потрепанные части в тыл или пополняет на месте. Чаще всего дают возможность уйти на вторую линию и там доукомплектовывают. Немцам нужен результат, от этого и стараются держать порядок во всем.

Пока отсутствовали все члены допросной комиссии (экий я термин придумал), я перебирал в голове варианты продолжения разговора и, конечно, думал над своей судьбой. Естественно, я не надеялся на идеальный исход своей затеи, а был он очень заманчив. Ведь зачем я сюда пришел? А просто все: я воспользовался первой же возможностью сбежать, и у меня получилось. Хуже или лучше мне от этого станет, пока не известно, но я осуществил мечту, сбежал от врага. Почему через год? Так тоже все очень просто. После того, как оказался в спецлагере для обучения диверсантов, возможности не было. Первые полгода мы были на правах пленных, содержание абсолютно идентично лагерному, за исключением подготовки. Нас с первого дня начали гонять как бешеных собак. Бег по пересеченке, с утяжелением, с полосой препятствий. Зимой лыжи и все тот же бег. Весной, когда вода в озере возле лагеря прогрелась градусов до пятнадцати, нас заставили плавать и нырять, развивая способности задерживать дыхание. Подготовка была очень серьезной. Судя по тому, что выводили из обучения и куда-то увозили в разное время, такие как я попадали в разные войска и на разные участки фронта. Подготовка не сводилась только к диверсиям. Вообще, я думал, что мы войдем в состав «Бранденбурга», но оказалось все немного сложнее. Мы – дети, а там служат взрослые. Из нас готовили особое подразделение одиночек и мелких групп, и сделали его. Здесь, в Сталинграде, нас было шестеро. Две группы по три человека, причем все, кроме меня, оказались «перевоспитанными». На свое первое и, надо думать, последнее задание на службе рейху я вышел в составе группы из трех бойцов, где я был старшим. Сразу после перехода невидимой линии фронта я убил обоих сослуживцев, это были звереныши в детском обличье. У каждого из них за спиной убитые солдаты из числа пленных, мне же удалось сохранить честь и совесть. Конечно, скорее это заслуга providения и везения, а не моя личная. Если бы вновь что-то повторилось из разряда испытаний кровью, я бы не выдержал и сейчас был бы уже мертвым. Никого из «своих» я никогда не убью, как бы ни запугивали. Лучше подставлю голову под топор, но убивать русских не стану. Поправлюсь, не только русских, а вообще наших, советских людей, среди которых много различных национальностей. В то же время, если человек окажется пре-

дателем, будет неважно, какой он национальности, русский, еврей, хохол или казах, убью и не поморщусь.

Принесли поесть. Тушенка оказалась разогретой, хлеба дали аж полбуханки. Хотелось еще чаю, но дали только горячий кипяток, но и это было плюсом. Удивительное дело, я постоянно хочу есть, организм, что ли, растет? Сунув руку за спину, вытащил нож, спрятанный между лопатками, этому не фрицы научили, сам придумал, точнее, из будущего привнес. Едва закончив с тушенкой и отхлебывая горячую воду, был застигнут вернувшимися командирами.

– Ну что, перекусил, диверсант? – вошедший первым особист застыл, едва произнеся эти слова. Его взгляд был прикован к ножу. Узкое длинное лезвие тускло сверкало в свете керосиновой лампы и привлекало внимание.

– Ага, спасибо большое, – ответил я, ставя железную кружку на снарядный ящик.

– Андрейченко! – крикнул особист, чуть повернув голову ко входу, но не сводя с меня глаз.

Полог откинулся и на пороге возник часовой, который недавно принес мне еду.

– Я! – вытянулся часовой.

– Это ты задержанному нож дал? – спросил жестко, продолжая смотреть на меня, только уже не на нож, а в глаза.

– Никак нет, товарищ батальонный комиссар! Я ему и ложку не дал, думал, своя есть. – Боец растерялся, наверное, сейчас получит по первое число. Хотя, а за что? Он меня не задерживал, не досматривал, так что вины нет.

– Свободен! – бросил особист и посмотрел на своих товарищей. Лейтенанты тоже не сходили с мест, стоя как статуи. – Это что за фокусы? – обратился, наконец, ко мне особист.

– Какие фокусы? – деланно удивился я. – Вы о ноже, что ли? Так это мой, просто солдаты на передке обыскивать не умеют. Опыта нет, видимо. Таким способом не пользуются простые солдаты вермахта, только диверсанты, ну и разведка. Вот солдаты и не ожидали.

– Где прятал? – Особист подходил ближе, осторожничают, но старается не показывать этого. Чтобы устранить неловкость, кружкой, что до сих пор была в руке, пододвинул нож ближе к особисту.

– Возьмите, и я не опасен для вас, надеюсь, вы уже поняли это, – я показал, полуобернувшись, указывая на место, где прятал нож.

– Товарищ батальонный комиссар...

– Ловко. Отставить, старший лейтенант. Если бы он хотел, уже бы напал, ведь так?

– Немного не так, – покачал я головой, – уже бы убил. Настоящий диверсант или разведчик, которому кровь из носа нужно выбраться из плена, убил бы не задумываясь. Судя по тому, что я видел, у входа всего один боец, он уже закончил бы свою жизнь. Дальше я переоделся в чью-либо форму из вашей и ушел бы. Сложно, но выполнимо. И да, нож можно спрятать в еще нескольких местах, как-нибудь покажу.

– Так уж и убил бы? – усмехнулся кто-то из присутствующих.

Реакция командиров мне понравилась. Не было никаких криков, попыток ударить или, того хуже, застрелить наглеца. Офицеры просто подошли и уселись на свои прежние места, особист предварительно убрал мой нож на полочку, что была сделана в стене землянки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.